

АНДРЕЙ ЛИВАДНЫЙ

ЖИЗНЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО

ЭКСМО

Андрей Львович Ливадный
Жизненное
пространство. Книга 2
Серия «Экспансия: История
Галактики», книга 33

Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=119416
Жизненное пространство: Эксмо-Пресс; Москва; 2002
ISBN 5-04-010092-2

Аннотация

Всегда находятся подонки, готовые продать Родину за тридцать сребреников. Но на этот раз неожиданное вторжение из глубин Вселенной поставило под вопрос само существование человечества. Кучка голубокожих маньяков, обезумевших от украденного ими бессмертия, уже обрекла на рабство и вырождение покоренные древние расы. Опаленное пламенем атомной бойни жизненное пространство, столь необходимое для выживания любого вида, может легко стать безжизненным. Но в любые времена найдутся люди, способные противостоять всеобщей вражде.

Содержание

Часть 1	4
Глава 1	4
Глава 2	36
Глава 3	72
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Часть 1

Связь времен

Глава 1

Знание истории бесценно. Человек, игнорирующий историю, не утруждающий себя изучением прошлого, никогда не сделает шага вперед, в будущее, его удел – топтаться на месте, ибо история – это прежде всего сумма накопленных знаний, опыта, бесценный кладёзь информации о мире, опираясь на который можно определить, что огонь горяч, не пытаясь сунуть в него собственную руку...

Логрис...

Он мертв и логичен.

Он смотрит на нас миллиардами своих сенсоров, а мы уже не существуем, ибо перешагнули ту грань, которая отделяет реальное от вымышленного.

Мир, созданный силой мысли. Что может быть прекраснее, загадочнее, величественнее и непостижимее его?

Иногда мне кажется, что он действительно прекрасен, как сладчайшая из грез, а иногда он становится отвратительным, как самый изуверский кошмар, но в том и заключается вели-

чайшее достоинство этого места, что ни один порыв сознания не может своим дуновением *отсюда* поколебать даже самый крохотный камушек *настоящего мира*. Внешний мир закрыт для нас, ибо он хрупок, мы же сильны, и существует лишь малая доля существ, сумевших осознать его хрупкость и свою силу. Остальные все еще ищут себя, совершая разные поступки, но, хвала Логрису, уже не там, а здесь.

Наше жизненное пространство раскинулось в новом измерении, будто старая добрая Вселенная перестала существовать... А может быть, так и есть? Не знаю. Не уверен. Сейчас, мысленно записывая эти строки, я, признаться, уже не совсем помню, что такое реальный мир. Сколько прошло лет... или, быть может, наносекунд?... с тех пор как я в последний раз дышал, любил, осязал *ТАМ*...

Не могу сказать. Могу лишь заглянуть в базы данных и посмотреть, когда я отдал себя Логрису, но делать это не хочется.

Удивительно, как поздно начинаешь постигать многие истины. Например, ты всегда знаешь, когда с тобой что-то случается в первый раз, но разве можно предугадать, когда то или иное действие будет совершено в последний? Наверное, в этой непредсказуемости, в полном или частичном неведении своего будущего и кроется смысл жизни.

Только попав сюда, я с ясностью понял, что смысл жизни — в ее окончательности. Постоянно тяготеющий над нами призрак физической смерти заставляет жить, он дает стимул со-

зидать и разрушать, стремиться к чему-либо, успеть сделать как можно больше до того момента, как физическая смерть заберет тебя.

Открыв принцип реинкарнации, мы разрушили этот естественный закон, а вместе с ним и психическую устойчивость нашего общества. Первая волна реинкарнаций не принесла ничего, кроме радости, – ведь дети, собиравшиеся со дня на день навечно расстаться с родителями, внезапно вновь обрели своих близких. Да, они вернулись из чрева Логриса триумфаторами, победителями над смертью, и... что получилось из этого?

Сначала была радость, ощущение победы над вечностью, потом пришло разочарование и чудовищный, массовый срыв.

Психология живого существа, как известно, ориентирована на выживание вида в целом – такой постулат заложен в наше подсознание эволюцией, но эти же законы развития постулируют и наступающую в конце концов неизбежную смерть отдельного индивида. Это понятно. Но ведь именно данный столп подсознания, как выяснилось, и был подрублен открытием вечной жизни.

Появилось первое поколение «молодых старцев» с юным телом и ветхим разумом. После первого мига упоения наступило бессилие и родился вопрос: что дальше?

Отнять сделанное тобой в течение прошлой жизни у своих потомков и снова пользоваться этим или начать все с ну-

ля, будто ты, и вправду, молод? Но где взять те надежды и иллюзии, которые движут молодыми в поиске самих себя, где взять оптимизм, жизненную силу, когда в тебе – жизненный опыт, знание, привычка к трезвому расчету, и на общество ты смотришь со здоровым цинизмом мудрого человека?

Первая реинкарнация породила, как оказалось, кроме первого всплеска эйфории, еще и множество злых, надменных и жестоких существ. Они были юными, впереди у них лежала новая вечность, но они уже знали цену жизни, обществу, отдельным поступкам.

Вторая и третья реинкарнации взорвали наш мир и привели к созданию Логриса сегодняшнего, – не извращенной искусственной матки, постоянно выплевывающей в жизнь обновленных старцев, а мира внутри мира, – оборотной стороны реальности, где обитают бессмертные души, у которых отняли способность вставать поперек дороги молодым растущим поколениям и перекраивать реальный мир в угоду своим амбициям.

Я не жалею, что ушел жить сюда. Я не жалею о том, что вместе с другими создавал Логрис, ибо вокруг себя я вижу живых современников, которые просто сменили среду обитания на более приемлемую и безопасную, как для них, так и для реального мира. Здесь есть все, начиная от ощущения голода или сытости и заканчивая возможностью вести любые проекты, создавать что-то новое, или бесконечно переделывать старое, реализовывать себя и оставаться при этом

самим собой: добрым или злым, здоровым или ненормальным, – ведь Логрис бесконечен и способен вместить в себя любую причуду.

Когда я участвовал в создании Логриса, то многие говорили: ты называешь срок смерти, ставишь планку ограничений над головами миллиардов существ.

– Ничуть, – отвечал им я, первый из первого поколения реинкарнированных.

Да. Нужно стремиться к тому, чтобы жить долго. Настолько долго, покуда хватит желания жить. Потом, когда плоть одряхлеет, разум устанет и тебе станет трудно, день ото дня все труднее и труднее, не насилуй себя, не цепляйся за свой страх, – просто скажи себе: я устал, и уйди, дай дорогу следующим, ибо вечность, заключенная в тесном узилище плоти, какой бы соблазнительной она ни казалась, – это ловушка для разума.

Приходи. Пространство Логриса примет тебя, и сотни новых реальностей откроются перед тобой, ты продолжишь начатый путь, но уже в иной ипостаси, в такой, которая в силу своей мудрости, усталости и рожденного опытом цинизма не сможет нарушить реального, не погубит тысячи, миллиарды существ собственной амбицией.

Приходи на носители Банка Вселенной, который переживет коллапс всего мироздания, и, быть может, мы снова захотим жить в реальном мире, родившись младенцами в новых горячих Галактиках после следующего Большого Взрыва.

Но не дай загнать себя в ловушку Вечности, оставаясь в тесной связи с миром физическим, – там, где царит теория окончательности, ты погибнешь, твоя душа измельчает, изотрется и умрет. Ты принесешь горе, и горек будешь сам.

Из «Вступления в Логрис».

Три миллиона лет до нашей эры.

Автор неизвестен.

* * *

Итак, это была их Сеть...

Аналог нашего современного единения компьютеров, таинственный Логрис, предвосхитивший современность, ни много ни мало, на три миллиона лет.

Таинственный Логрис... Именно таинственный, а никакой иной, потому что сведений о нем было удивительно мало и расшифровка фрагмента записи с невзрачного кристаллического носителя – так называемого *Логра*– граничила с чудом... правда, в современном мире, как правило, чудес не бывает и все происходит в рамках тех или иных технологий...

Приблизительно с такими мыслями Илья Андреевич Горкалов – пятидесятипятилетний сухощавый, седеющий мужчина, положил на рабочий стол лист распечатки, которую только что внимательно изучал.

Обстановка рабочего кабинета, занимавшего одну из комнат обыкновенной городской квартиры, на первый взгляд, казалась до тошноты стандартной и мало что могла рассказать о хозяине, но при более внимательном рассмотрении, среди строгой офисной мебели, выдержанной в темных тонах, нет-нет да и проскальзывали некоторые мелочи, детали, способные не только кое-что сообщить о характере Горкалова, но даже немного приоткрыть завесу его прошлого.

Например, подборка книг, чьи пластиковые корешки глянцево поблескивали в тусклом сиянии нескольких работающих мониторов. Они словно бы делились на две тематические половины. Часть изданий относилась к чисто военному профилю и была представлена узкоспециализированными фолиантами тактических звездных карт, которые вряд ли отыщешь в фондах общедоступных библиотек, затем шла изданная тридцать лет назад многотомная история Конфедерации Солнц, и наконец заканчивали данную подборку две более современные электронные книги, исполненные в виде тонких компьютерных планшетов.

Вторая половина небольшой библиотеки разительно отличалась от первой и, судя по неровному расположению корешков, использовалась в последнее время чаще. Тут были собраны все известные труды по космической археологии, истории колоний и древнего, существовавшего еще до начала человеческой экспансии мира, погибшего под ударами предтеч, около трех миллионов лет назад, когда люди на да-

лекой планете Земля еще не вполне оформились в вид Homo Sapiens...

Разделяла две этих тематических подборки десятисантиметровая модель боевого шагающего робота класса «Фалангер»...

...Внимательно взглянув на один из трех установленных на поверхности рабочего стола мониторов, хозяин кабинета встал и подошел к упомянутой полке с книгами.

Все еще пребывая во власти прочитанного документа, который ему переслал отдел изучения мертвых компьютерных языков Института археологии космоса, Илья Андреевич, чья жизнь, как и подборка изданий в маленькой домашней библиотеке, была четко разделена на две половины, недовольно подумал, что раньше, во времена Конфедерации Солнц, работать было гораздо проще.

Двадцать лет назад, когда он, вынужденно поменяв профессию, еще только начинал свою карьеру космического историка, вся информация, по инерции стекавшаяся из различных, уже не подконтрольных к тому времени умирающей Конфедерации секторов пространства, волей-неволей концентрировалась и оседала именно тут, на Элио, – планете, где базировалась штаб-квартира Совета Безопасности Миров.

Теперь, когда вслед за падением Конфедерации, и этот институт Галактического единения утратил свое бывшее значение, превратившись из реальной силы в пустой звук – пре-

тенциозную вывеску на фасаде почти обезлюдевшего здания, перед которым все еще трепетали на ветру флаги двухсот семнадцати миров, – все резко и неприятно изменилось в худшую сторону. Планеты рассыпались, как горошины из дырявого мешка, ничто более не объединяло их, но зато каждый мир, взятый в отдельности, мог кичиться своим суверенитетом: мол, смотрите на нас, какие мы свободные и сильные...

Информацию в таких условиях приходилось собирать буквально по крупицам, пытаясь через межзвездную сеть Интерстар объять необъятное.

Однако Илья Андреевич был из породы людей, которых трудности и неурядицы не превращают в брюзгливых зануд. В его жизни хватало невзгод – он начинал пилотом боевой шагающей машины, командовал механизированным подразделением космодесанта, потом получил серьезное ранение, едва не сгорев в рубке «Хоплита». После года, проведенного в госпитале, вернулся в строй, но уже не в космический десант, а в отдел внешней разведки Конфедерации Солнц. Двадцать лет назад, когда после Эригонского кризиса все полетело к черту, он нашел в себе достаточно мужества и здравого смысла, чтобы понять – золотой век Конфедерации уходит безвозвратно...

Сменить мундир офицера, со знаками различия полковника отдела внешней разведки, на скромный гражданский костюм сотрудника Института истории и археологии космоса

было нелегко, но, сделав это, Горкалов нашел новое приложение своим нерастраченным силам и накопленному опыту, не забывая о золотом веке Конфедерации Солнц, но и не стесняя над ним в полутемном баре за кружкой дурного пива, как некоторые его бывшие сослуживцы – отличные в прошлом офицеры, которые по тем или иным причинам не выдержали моральной ломки в момент краха всех идеалов, впитанных с самого детства.

Нет. Он продолжал жить и заниматься делом, которое, по большому счету, оказалось созвучно роду его прошлых занятий, и два научных труда по общей истории «дочеловеческого» мира являлись прямым продолжением его служения тому смыслу, который Илья Андреевич всегда вкладывал в термин «Человечество».

Маленький серый кристалл, лежавший перед ним на столе, также попал в его руки не случайно, как не случайным излишеством были и три монитора, базировавшиеся на обширной столешнице старомодного рабочего терминала.

Один из трех работавших в кабинете Ильи Андреевича компьютеров, непосредственно соединенный с сетью Интерстар, постоянно отслеживал все события, так или иначе связанные с древними поселениями, артефактами, собирая любую доступную информацию о них.

Второй системный блок анализировал поток поступающих данных, пропуская разрозненные факты сквозь частое сито программ покаскадной логической обработки, так что

в конечном итоге третья машина, с системой которой непосредственно работал сам Горкалов, получала уже проанализированные, подчиненные определенной логике данные, достоверность которых можно было расценивать достаточно высоко.

Такая кропотливая и нудная на первый взгляд работа давала порой самые неожиданные плоды, как, например, в случае с этим древним устройством давно исчезнувшей из границ реального космоса расы.

Полгода назад Горкалов получил копию отчета, в котором упоминался некий рудодобывающий комплекс «Спейс-стоун», обнаруживший в Рукаве Пустоты разрушенное космическое поселение логриан – третьей расы древнего мира, о которой до последнего времени существовали лишь смутные упоминания в мифологии инсектов.

Тогда информация показалась спорной, сомнительной – ведь сам рудодобывающий комплекс со всем экипажем пропал без следа, а отчет основывался на нескольких обрывочных сообщениях, принятых по каналу Гиперсферной Частоты, но все же очередной факт упоминания о третьей расе доисторического космоса стоил того, чтобы начать поиск, и в результате Горкалов установил связь с неким антикваром, который предложил ему для продажи артефакт, принадлежавший, по его мнению, именно логрианам.

Покупка состоялась, и вот теперь Илья Андреевич оказался перед загадкой, от решения которой зависела не толь-

ко его текущая карьера в Институте археологии космоса. За то время, что он посвятил исследованиям загадочного кристалла, его компьютерные «старатели» выловили в Сети еще несколько сообщений. Каждое по отдельности, может быть, и не стоило ничего, кроме ироничной, недоверчивой улыбки, но сведенные вместе и соединенные с теми знаниями, которыми обладал *полковник Горкалов*, заставили его сначала задуматься, а затем встревожиться.

...Его мысли прервала трель коммуникационного устройства.

Илья Андреевич подумал, что это, должно быть, Александра – старушка-соседка, которая, ввиду его холостяцкого положения, за небольшую плату готовила и убиралась в слишком просторной для одного человека квартире, – звонит по внутреннему, чтобы позвать его к ужину, но, взглянув на терминал, понял, что вызов внешний.

– Да? – ответил он, взяв из специального гнезда трубку мобильного коммуникатора.

– Мне нужен Горкалов, – услышал он.

Голос в трубке показался ему смутно знакомым.

– Да, это я. – Илья Андреевич не любил собеседников, которые не удосуживают себя простым человеческим приветствием, поэтому и его ответ прозвучал несколько сухо и раздраженно.

– Илья Андреевич, не узнал?

Горкалов на секунду задумался, а затем не воспоминание,

а обыкновенный логический вывод заставил его произнести следующую фразу:

– Шеффорд? Джон, это ты?

– Естественно. Ты же звонил моему секретарю, ведь так?

– Да, две недели назад.

– Извини, раньше откликнуться не мог, – ответил его бывший подчиненный, занимавший теперь солидный пост в Министерстве обороны планеты Элио. – Рад вновь слышать тебя Илья, но хотелось бы узнать – ты искал меня по делу?

– Да, – сухо подтвердил Горкалов. – Без повода не стал бы беспокоить. Но по коммуникатору у нас разговор не выйдет.

– Хочешь встретиться?

– Настаиваю.

– Хорошо... – немного помедлив, согласился Шеффорд. – Только предупреждаю, днем я занят под самую завязку.

– Меня, в принципе, устроит любое время и место.

В трубке на несколько мгновений повисла тишина.

– Давай так, – наконец, что-то прикинув в уме, ответил Шеффорд. – Думаю, что через два часа я буду свободен. У меня по некоторым причинам сорвался вечерний прием в посольстве Кьюига, а ужинать все одно придется. Как ты смотришь на встречу в «Созвездии»?

– Положительно. – Горкалов взглянул на часы. – Ровно в семь?

– Договорились. Прислать за тобой машину? – Скорее отдавая дань вежливости и одновременно подчеркивая

собственное положение, нежели из проявления искренних чувств, осведомился Шеффорд.

– Нет, спасибо, я на своей.

– Ну как хочешь. Смотри, не опаздывай, сидеть и ждать не смогу, – предупредил Джон. – До скорого...

В коммуникаторе тонко запищал сигнал отбоя.

Илья Андреевич пожал плечами. Разговор получился каким-то скомканным, но главное – он достиг цели. А что до натянутости, – так здесь следует сделать скидку на нынешнее общественное положение Джона Шеффорда: – некоторые из младших офицеров, находившихся двадцать лет назад в подчинении Горкалова, взлетели за эти годы так высоко, что Джон, например, мог и не откликнуться на его звонок вообще... Те, у кого хватило ума вовремя переметнуться из генштаба умирающей Конфедерации в аналогичные структуры планетарной самообороны, уже дослужились до генералов. Ну, да это их дело, в конце концов...

...Горкалов так и не открыл застекленную полку с книгами, лишь его взгляд скользнул по застывшей меж глянцеви-тых корешков модели боевого робота, и на душе вдруг стало как-то неуютно, словно предчувствие беды, все это время тащившееся где-то на периферии сознания, вдруг оформи-лось в окончательную уверенность.

«*Поверит ли он, вот в чем вопрос...*» – неожиданно подумал Илья Андреевич, мысленно настраиваясь на предстоящую встречу с Шеффордом.

Гадать было бессмысленно. Оставалось набраться терпения и получше подготовиться к этой встрече.

* * *

Элио. Рабочий кабинет Горкалова...

Вопрос, который Илья Андреевич собирался обсудить на встрече с Джоном Шефордом, касался как его прошлой карьеры военного, так и сегодняшнего рода занятий. Все в этом мире, на поверку, оказывалось взаимосвязанным, одно вытекало из другого, а сумма знаний в конце концов приводила к постижению истины.

Вернувшись к рабочему столу, он просмотрел почту, но никаких новых сообщений на его имя не поступало. В распорядении Горкалова оставалось еще более полутора часов, и он решил еще раз обдумать факты, которые собирался изложить Шефорду.

Илья Андреевич достал ноутбук, подключил его к разьему терминала, чтобы переносной компьютер записывал видеоинформацию, которую он собирался вызвать на дисплей, и коснулся нескольких сенсоров на панели управления домашним компьютерным комплексом.

Изображение на среднем мониторе внезапно приобрело

пространственную глубину, показав нашу Галактику в таком ракурсе, словно наблюдатель находился над плоскостью ее эклиптики на некотором удалении от родного звездного сообщества.

Еще одно касание сенсора, и картинка укрупнилась. Вихреобразные, закрученные против часовой стрелки спиральные рукава Галактики стали увеличиваться, показывая детали своего строения, рассыпаясь искрами звезд, пятнами туманностей и блестящими роями скоплений, – все это двигалось навстречу наблюдателю, детализовывалось, а затем исчезало за краями плоского экрана, пока весь его объем не занял участок спирального рукава, разорванный в одном месте глубоким провалом черноты.

Любой ребенок мог узнать этот фрагмент космоса.

С одной стороны пульсирующей дорогой световых маркеров протянулись отметки освоенных человечеством миров. Ближе к периферии спирального рукава одинокой точкой сияла Солнечная система, с которой и началась более полутора тысяч лет назад история расселения людей по тому пространству, которое теперь принято обозначать термином «Обитаемая Галактика».

Взгляд со стороны, брошенный на картину экспансии Человечества в глубь космоса, впечатлял и одновременно с этим внушал некое чувство подавленности, – только в одном месте маркеры освоенных планет сбегались в тесную группу из нескольких десятков миров, а в остальном простран-

стве между отдельными освоенными системами лежали десятки, а иногда и сотни световых лет пустоты. Со стороны это выглядело, как горсть сверкающей пыли, брошенной в необъятный простор космоса и прихотливо развеянной по чернильному полотнищу мрака...

Илья Андреевич подождал, пока картинка перестала двигаться, а индикатор на переносном компьютере погас, сигнализируя о полной записи полученных данных. Несколько секунд он смотрел на стабилизированный участок пространства, а затем добавил к существующей схеме еще несколько сигналов.

На краю огромного, протянувшегося на несколько сот световых лет провала, напрочь лишенного звезд, размытым пятном возникла газопылевая туманность; чуть поодаль от нее, ближе к пограничным искоркам реально существующих систем, вспыхнула багряная горошина Сферы Дайсона,¹ а в самом пространстве угольно-черного провала желтыми маркерами обозначились около двух сотен объектов, причем большинство из них оказались блуждающими и лишь несколько десятков застыли на одном месте, образуя размытые пятна крохотных скоплений.

Илья Андреевич прекрасно представлял смысл, который несла в себе прорисовавшаяся на его глазах схема.

¹ *Сфера Дайсона* – искусственное сооружение, построенное вокруг звезды и полностью перехватывающее исходящий от нее свет своей внутренней поверхностью.

Все, вместе взятое, показывало суммированную картину реальности дня сегодняшнего, в которой человеческие миры соседствовали с четкой ретроспективой гибели трех разумных рас древности, – экспансия людей вторгалась в ту область, где три миллиона лет назад протекала трагедия древнего мира. Вторгалась и иссякала, напоровшись на неодолимую преграду Рукава Пустоты...

Зеленые искры освоенных миров редели, истончались и наконец исчезали вовсе, словно порыв ветра истаял в этом месте, бессильно потонув в угольно-черном провале Рукава...

Программа, при помощи которой воссоздавалась структура реального космоса, продолжала работать, и внезапно на самом краю этого бездонного провала вспыхнула и запульсировала алым еще одна точка. Судя по форме сигнала, это была колония людей, основанная на кислородной планете, но почему она светилась так зло, тревожно?

Надпись подле тревожно мерцающей точки гласила: «*Воргейз*».

Илья Андреевич машинально нахмурил лоб, отчего над его переносицей пролегли глубокие складки. С чего начать разговор с Шефордом? Как донести до него суть проблемы?

Наверное, нужно начать с истории... – Взгляд Горкалова с трудом оторвался от тревожно пульсирующей точки. – *Да, именно с известной нам истории древнего мира, потому что без понимания процессов, происходивших в данном*

пространстве три миллиона лет назад, невозможно разобраться и в современности...

Илья Андреевич слишком хорошо понимал, что от ясности, сжатости и доступности его пояснений в конечном итоге будет зависеть и реакция Джона, которого он не видел уже более пятнадцати лет, и потому не мог мысленно поручиться перед самим собой, что тот остался прежним: прилежным, исполнительным офицером, приверженцем той же верховной силы, которой поклонялся и сам Горкалов, – ее величества Логики.

Именно поэтому он коснулся еще одного сенсора на терминале, включив тем самым световой маркер, который отобразился на экране алой точкой, будто след от лазерной указки. Илья Андреевич переместил его в нужное место и, покосившись на табло отсчета времени, начал продумывать свой монолог, одновременно позволяя переносному компьютеру записать наглядное движение алой точки по схеме.

«Итак... Приблизительно три миллиона лет назад в пространстве современного космоса обитали три цивилизации, – мысленно произнес Горкалов и отчертил алым огоньком область пространства, охватывающую значительную часть вокруг Сферы Дайсона. – Здесь располагались тридцать систем, на которые в древности распространилась экспансия насекомых. Они колонизировали планеты с жарким, влажным климатом, что полностью соответствовало их метаболизму».

Огонек указки сместился чуть ниже, теперь обозначив вытянутую область, простирающуюся от кромки Рукава Пустоты на десять-пятнадцать световых лет в глубь этого лишенного звезд провала. Как раз в данном пространстве и перемещались те самые желтые маркеры, которые по общепринятой классификации обозначали различного толка артефакты и аномальные небесные тела.

Эта территория принадлежала исчезнувшей расе дельфинов, ластоногих млекопитающих, сумевших выйти в космос и колонизировать, по сегодняшним данным, двадцать звездных систем...

Опять последовало движение алой точки, и снова ею был очерчен участок пространства, но теперь уже в глубине Рукава Пустоты, где таинственно сияло несколько желтых пятен, составленных, на первый взгляд, из десятков мелких размытых сигналов. Это, предположительно, было территорией Логриан, – негуманоидов, чьи циклопические пространственные сооружения обнаружены сравнительно недавно.

Илья Андреевич помедлил несколько секунд, собираясь с мыслями, а затем перенес свое внимание на пятно газопылевой туманности, расположенной как бы у истоков Рукава Пустоты. Отсюда, примерно три миллиона лет назад, началась историческая миграция предтеч, – загадочной и пугающей формы пространственной жизни, представляющей из себя сонмища отдельных амебоподобных созданий. Эта аналогия с простейшими биологическими организмами напра-

шивалась, скорее всего, из-за аморфности этих существ, их способа питания и деления, которые более всего свойственны упомянутым простейшим организмам, но подобную параллель нельзя было воспринимать в буквальном смысле. Кому, как не Горкалову, было знать, что предтечи на самом деле слишком мало изучены на сегодняшний день, чтобы судить о них столь однозначно. Достоверно было известно лишь то, что они представляли собой энергетическую оболочку, в которой заключено ядро неисследованной структуры. Прослойка между электромагнитной оболочкой и внутренним ядром у этих существ была заполнена нейтральным водородом, который, очевидно, служил основой их энергетики. Питались они любым доступным веществом, поглощая его в невероятных количествах.

В пространстве древнего космоса обитали миллиарды предтеч. Судя по свидетельствам, оставшимся от расы инсектов, их сонмища появились абсолютно неожиданно, мигрируя от указанной туманности в направлении Рукава Пустоты, которого три миллиона лет назад еще не существовало.

Первыми атакам предтеч подверглись планеты инсектов, компактно расположенные в том пространстве, где существует современная Сфера Дайсона. Очевидно, что первая волна миграции космических амёб была отбита инсектами с огромными потерями и разрушениями. По имеющимся сведениям, в тот период перестало существовать два десятка их

колоний, в том числе погибли или были эвакуированы их форпосты на планете Хабор, куда Совет Безопасности переселил современные деградировавшие общины насекомоподобных существ.

Илья Андреевич опять на мгновение задумался, а затем продолжил мысленное изложение известных ему фактов, осторожно добавляя к ним наиболее устоявшиеся и уже получившие некоторое подтверждение гипотезы, относительно устройства древнего мира и происходивших в нем событий.

Первая и вторая волны миграции предтеч были разделены временным промежутком в три тысячи лет. Эти существа, разорившие планетные системы инсектов, по какой-то причине повернули вспять и снова скрылись в пределах породившей их газопылевой туманности. Нужно заметить, что ни одна из цивилизаций древности не изобрела гиперпривод в том виде, в каком он реализован в человеческих технологиях, и потому их корабли были вынуждены двигаться с околосветовыми скоростями в «нормальном» трехмерном континууме. Это существенно затрудняло колонизацию звезд, а кажущийся успех экспансии дельфинов и инсектов объяснялся лишь тем, что обе цивилизации развились на планетах, входящих в состав рассеянных звездных скоплений, где расстояния между десятками близлежащих светил не превышали пяти-шести стандартных световых лет.

«Нельзя недооценивать факт отсутствия у известных нам рас древности такого устройства, как гипердрайв», –

подумал Горкалов. Именно отсутствие эффективного внепространственного привода, по мнению многих исследователей, подвигло инсектов на строительство Сферы Дайсона вокруг родной звезды. Бытующее мнение, что таким образом они пытались укрыться от повторного нашествия предтеч, он лично считал глубоко ошибочным – ведь Сфера, при всех ее очевидных преимуществах, не выдерживала никакой критики в плане обороноспособности, – разрушить ее извне было бы гораздо легче, чем могло показаться на первый взгляд, и поэтому инсекты, используя вещество своих планет для строительства циклопической конструкции, преследовали, по мнению Ильи Андреевича, иную главную цель: получить необходимое жизненное пространство, с тем, чтобы миллиарды особей более не зависели от успехов рискованной экспансии в глубь космоса.²

Об инсектах, потомки которых до сих пор сосуществовали с людьми на некоторых планетах, на сегодняшний день было известно до смешного мало: ведь по современным, деградировавшим анклавам чрезвычайно трудно судить о свойствах, которыми обладали их высокоразвитые предки.

История контактов человечества с инсектами носила весьма фрагментарный и драматичный характер.

Илья Андреевич опять обратил свой взгляд на схему. Отыскав глазами Сферу Дайсона и расположенный в

² Замечание и приведенная цитата из Конфуция принадлежат Василию Юрьевичу Репину, преподавателю УрГУ (из действительной переписки автора).

нескольких световых годах от нее желто-коричневый маркер покинутой людьми колонии, Горкалов вдруг одним движением алого огонька очертил огромную область расширяющегося в пространстве конуса человеческой экспансии, обращая внимание на хаотичное, бессистемное расположение изумрудно-зеленых точек.

«Да... – подумал он, – причудливо разбросала гиперсфера колониальные транспорты наших предков...»

Современные исследователи, хорошо знакомые с теорией гиперсферы, не находили в этом бессистемном, хаотичном расселении ничего удивительного или необъяснимого, но полторы тысячи лет назад, в период так называемого Первого Рывка, миллиарды колонистов, отправившихся в космос, переживали свои личные трагедии со всей остротой – ведь они полностью утрачивали какие бы то ни было контакты с прародиной и друг с другом, часто совершенно не представляя, куда забросила их неизученная в ту пору аномалия космоса. Как следствие: такое взрывообразное, хаотичное расселение по спиральному рукаву, движение вперед не ради самого движения, а ради выживания, и привело к заселению огромного участка пространства, а также (об этом не следовало забывать ни на секунду) к возникновению сотен *потерянных* колоний, часть из которых либо пребывает в забвении до сих пор, либо вторично открыта уже в процессе осмысленного, систематизированного освоения космоса.

Горкалов напомнил себе об этом факте с одной лишь це-

люю – мысленно указать своему воображаемому собеседнику, почему Сфера Дайсона и Деметра де-факто колонизированы более тысячи лет назад, но реально мы узнали о них лишь в прошлом веке. Сначала, во время Эригонского кризиса на ледяном спутнике Эригона, Луне-17, был случайно обнаружен некий Интеллект – фотонный компьютер инсектов, когда-то управлявший Сферой Дайсона и эвакуированный оттуда во время второго нашествия предтеч. Три миллиона лет он спал в своем схроне, пока наша, человеческая война не пробудила его.

Двигаясь по следам Интеллекта, который исчез с Луны-17, силам Конфедерации Солнц удалось обнаружить Сферу Дайсона, во внутреннем пространстве которой, как выяснилось, уже давно существовала изолированная колония людей.

Чуть позже событий на Деметре состоялось знакомство с далекими потомками строителей Сферы, насекомоподобными разумными существами, которые вели затянувшуюся на многие века войну с потомками колонистов, прибывших на Деметру после слепого гиперсферного рывка на колониальном транспорте «Бристоль»...

Раса инсектов, несмотря на упомянутые контакты, по-прежнему оставалась загадкой. В изучении насекомоподобных существ мог бы помочь Интеллект, но, вернувшись на свое место в Сферу Дайсона, этот древний компьютер инсектов определенно замкнулся в самом себе, осуществляя

контакты с людьми лишь по поводу восстановления тех или иных объектов своего циклопического мира, пришедших за три миллиона лет бесхозного существования в полнейший упадок. Многолетнее противостояние на Деметре также не сказалось положительным образом на взаимоотношениях людей с деградировавшими потомками разумных насекомых, и они, даже после того как им была возвращена во владение колония на планете Хабор, весьма неохотно шли на контакты с исследователями.

Илья Андреевич бывал в современных поселениях инсектов. Три экспедиции, в которых он принимал участие, несмотря на противодействие со стороны разумных насекомых, все же собрали достаточно материала, чтобы выдвинуть и опубликовать следующую теорию:

Первоначально инсекты являлись носителями так называемого «общественного разума» (примером могут служить земные муравьи или пчелы), но в процессе эволюции у них, кроме ярко выраженной способности к телепатии, развилась еще одна удивительная черта приспособляемости – в зависимости от воздействия окружающей среды, каждый из инсектов мог стать либо полноценным, мыслящим, полностью независимым в своих суждениях и действиях существом, либо, наоборот, регрессировать до уровня безынтеллектуальной особи, подчиненной целям общественного выживания.

Именно такой механизм «искусственного регресса», по мнению Горкалова, позволил инсектам в свое время про-

известии титанические работы по созданию Сферы Дайсона. Полностью использовать вещество семи планет родной системы и построить из него скорлупу вокруг тускло-красной звезды, с тем, чтобы будущие поколения могли пользоваться регулируемым климатом и бескрайним жизненным пространством циклопической конструкции, – подобное усилие требовало труда всей цивилизации на протяжении многих поколений, и Человечество, например, так и не решилось на подобный общественный подвиг, хотя до открытия гиперпривода оно едва не погибло в результате перенаселения и истощения естественных ресурсов планет.

В понимании Горкалова, из полученных знаний об инсектах следовало сделать один очевидный вывод: в тот момент, когда они почувствовали, что катастрофа перенаселения, возникшая после эвакуации колоний, подвергшихся разрушительным атакам предтеч, уничтожит их как вид, разумные насекомые поставили себе целью построить Сферу Дайсона с ее явными энергетическими преимуществами и огромным жизненным пространством, а как следствие – миллиарды существ недоразвились, исполняя функции послушных рабочих. Очевидно, что в тот период всей цивилизацией инсектов руководило лишь небольшое количество особей, а сам механизм «искусственного регресса» показал себя как жестокий, с точки зрения нашей этики, но чрезвычайно эффективный инструмент выживания вида...

...Следующая, наиболее драматическая страница истории

древнего мира, начинается с момента второй миграции предтеч. На этот раз орды неразумных космических созданий оказались воистину чудовищны по своей численности – видимо, они процветали и множились в недрах газопылевой туманности, где для них имелось много пищи, и такие благоприятные условия в конце концов привели к чрезмерному росту популяции, а как следствие – к новой миграции.

Илья Андреевич машинально помассировал переносицу.

«Предтеч будет очень наглядно сравнить со стаями саранчи, полностью истребляющий посевы...» – подумал он, – *с той чудовищной разницей, что «посевами» для них служило вещество планет, которое они пожирали, а насытившись, безудержно размножались, увеличивая свою численность в геометрической прогрессии.*

Их миграция смела оставшиеся колонии насекомых и задела своим разрушительным крылом Сферу Дайсона, оставив гениальное сооружение искалеченным. Причинив эти непоправимые беды цивилизации насекомых, орды предтеч двинулись дальше, к современному пространству Рукава Пустоты, на окраине которого в ту пору обитали дельфоны.

Нельзя забывать, что трагедия древнего мира протекала не молниеносно, – и миграция предтеч, и противостояние им напрямую зависели от космических расстояний и тех скоростей, на которые трехмерный континуум накладывает известные ограничения скорости света.

Несложно представить, что должны были испытать ласто-

ногие носители разума, впечатленные трагедией инсектов и осознающие, что на них медленно, но неотвратимо надвигается всепожирающая сила, уже превратившая рассеянное скопление из сорока звезд, вокруг которых обращались планеты инсектов, в пустыню, где остались лишь частично обглоданные, а затем расколотые силами гравитации и внутренних напряжений планетоиды... Насекомых не уберегла ни Сфера Дайсона, ни управлявший ею фотонный мозг. Казалось, что эффективного средства борьбы против предтеч нет вообще, и тогда дельфоны, осознавая полную безвыходность своего положения, пришли к решению применить более радикальные способы борьбы с космической проказой. Они обладали достаточной техногенной мощностью, чтобы провоцировать взрывы звезд. Современные исследования артефактов, найденных в Рукаве Пустоты, показали, что дельфоны сумели ограничить этот катастрофический процесс некоторыми рамками и в своих военных исследованиях вплотную подошли к изобретению собственного аналога существующей у людей аннигиляционной установки «Свет».

Если бы они успели создать компактный прибор, катализирующий синтез античастиц, и установить его на кораблях, то, скорее всего, миграция предтеч была бы остановлена в границах их колоний, а цивилизация дельфонов спасена, но им не хватило либо времени, либо знаний. Налицо остается печальный факт: год за годом, на протяжении целого столетия, ластоногие отступали под натиском мигрирующих сон-

миш, взрывая звезды тех систем, куда вторгались предтечи. В этих титанических вспышках гибли миллиарды космических амёб, но их миграция продолжалась, несмотря ни на что...

...В течение ста с лишним лет были взорваны все двадцать звезд скопления; цивилизация дельфинов погибла, космос превратился в мертвое пространство, а жизнь на чудом уцелевших мирах была деформирована пагубными влияниями вспышек уничтоженных звезд. В результате образовался печально известный Рукав Пустоты, где в абсолютном мраке бродят по своим нестабильным орбитам черные, опаленные пламенем ядерного распада планетоиды – страшный памятник погибшей цивилизации дельфинов.

Взгляд Горкалова переместился дальше по схеме, в глубь чернильного провала.

Теперь, после мысленного экскурса в историю насекомых и их ближайших соседей, на повестке дня оставался вопрос о третьей расе, чьи космические территории располагались дальше, в глубине современного Рукава Пустоты. О расе логриан на сегодняшний день было известно меньше, чем о других. Все сведения о них ограничиваются устными преданиями, до сих пор бытующими в среде насекомых, да новейшими исследованиями недавно обнаруженных в Рукаве Пустоты артефактов.

Судя по имеющимся данным, в основном почерпнутым из общения со старейшинами общин насекомых, ныне обитаю-

щих на планете Хабор, две цивилизации древности (Горкалов имел в виду инсектов и логриан) открыто не враждовали, но недолюбливали друг друга столь сильно, что даже перед лицом угрожавшей обеим расам опасности не объединились.

По мнению инсектов, логриане были мудры, слабы физически и осторожны до такой степени, что эту отличительную черту их характера в легендах называют не иначе, как врожденной трусливостью.

Существенным отличием логриан от двух других рас является тот факт, что они не колонизировали планеты, а прочно обосновались в пространстве, предпочитая строить огромные искусственные сооружения, совершенно не похожие на Сферу Дайсона инсектов. Их космические поселения отличались модульной конструкцией и напоминали наши современные орбитальные комплексы, только в тысячи раз более внушительные по своим размерам.

Логриане, как стало известно совсем недавно, обладали потрясающими по своему совершенству компьютерными технологиями, которые на три миллиона лет предвосхитили появление современной межзвездной сети Интерстар.

Взгляд Горкалова упал на серый, невзрачный кристалл, выполненный из кремния, лежавший на столе рядом с консолью управления компьютерным терминалом. Внешне он не привлекал взгляд ничем, кроме правильной геометрической формы своих граней, которые несомненно могли сопрягаться с другими подобными кристаллами, но при сильном

увеличении этот кусочек обработанного кремния выдавал сложнейшую внутреннюю структуру, выполненную на молекулярном уровне.

– *Нет...* – внезапно подумалось ему. – *Они не погибли и не исчезли...* – Взгляд Горкалова скользнул по черноте Рукава Пустоты. – *Я прав, и Шеффорд должен будет поверить во все, что я сообщу ему...*

Глава 2

Планета Элио. Район бывшей штаб-квартиры Конфедерации Солнц

Истина всегда где-то рядом. Порой она представлена лишь разорванной цепочкой незначительных на первый взгляд фактов, и только пытливый, ищущий ум может обнаружить ее, вновь соединить разрозненные звенья и восстановить реальную последовательность событий.

Имеющий уши – услышит. Имеющий глаза – увидит. Имеющий разум – обретет истину...

Когда Илья Андреевич вышел из дому, уже вечерело.

Осенью на Элио смеркалось рано – было лишь начало седьмого, а огромный город уже украсился тысячами огней.

Накрапывал мелкий осенний дождь. Погода стояла под стать настроению – тихая, безветренная, но стылая, будто природа так же, как Горкалов, ждала чего-то необычного, а главное – недоброго...

«Как затишь перед бурей...» – невольно подумал он, удивляясь направлению собственных мыслей и рождающимся в голове ассоциациям: будто все, что его привычно окружало, в этот миг показалось чуждым, пугающим, обладаю-

щим скрытым, недопонятым смыслом... словно он видел все это в последний раз, но сам еще не понимал или, скорее, не хотел понимать остроты своих предчувствий.

Подчиняясь внезапному настроению, Илья Андреевич подошел к высокому парапету, ограждающему тротуар улицы и, облокотившись о его холодную, влажную поверхность, взглянул с высоты седьмого городского уровня на залив Элио.

Более полутора тысяч лет назад здесь совершил посадку основной модуль колониального транспорта «Кривич», стартовавший из Солнечной системы в 2210 году. Как и сотни других кораблей, колониальный транспорт его предков заблудился в аномалии космоса. По полетному плану корабль должен был достичь Альфы Близнецов, но силовые линии гиперсферы рассудили по-своему, вышвырнув транспорт с тремя сотнями тысяч спящих колонистов в окрестностях этой звезды.

Горкалов достал сигареты. У него было еще несколько минут, чтобы постоять, глядя на серую, как свинец, маслянистую гладь залива, от поверхности которого, роняя капли алой ауры, ввысь поднимались пламенеющие в ночи столбы Раворов – исполинских деревьев, на которых гнездились колонии флуоресцирующих микроорганизмов.

Город обнимали воды залива, возвышаясь над ним циклопической уступчатой подковой. По побережью, вдоль галечных пляжей, тянулась полоса растительности – это был

национальный парк Элио, – не только дань исконным жизненным формам принявшей людей планеты, но и своеобразный природный буфер между тщательно оберегаемым водным заповедником и исполинским городом.

Полторы тысячи лет пронесли над столицей Элио – Раворградом, основанным на месте посадки колониального транспорта, и Горкалову – далекому потомку прилетевших на нем людей, было удивительно и тревожно смотреть этим вечером на пламенеющие Раворы, возвышающиеся над гладью залива.

Он думал о том, как тяжело было сохранить эту девственную красоту, и не потому, что она хрупка, а человек силен – как раз наоборот. Для первых поселенцев исконная биосфера Элио обернулась сущим адом – тут царили свои, не приемлющие людей, сильные, устоявшиеся за миллионы лет эволюции жизненные формы, и первое столетие колонии было веком постоянной борьбы за выживание.

«Вселенная враждебна, – думал Горкалов, глядя на пятидесятиметровые факелы холодного опалесцирующего света. – Каким запасом здравого смысла и мужества обладали наши предки, сумевшие превратить чуждую жизнь не в прах, а в гордость, в национальный символ для новых поколений...»

Бросив окурок в пасть уличного утилизатора, он пошел к парковочной площадке, где стоял его «Гранд-Элиот». Пора было переключиться на мысли о встрече.

Сев в машину, он дождался, пока дверка автоматически

закроется, а его обнимет привычная тишина салона с ее особенным запахом, таинственным мерцанием подсвеченных изнутри приборных панелей, тихим неназойливым попискиванием ожидающего его команд бортового компьютера.

Горкалову было пятьдесят пять, но он никогда не воспринимал себя пожилым человеком. Лишь сейчас, ощутив, сколь приятен внутренний комфорт машины после холодной, стылой мороси осеннего вечера, он вдруг подумал с присущей ему жесткой прямолинейностью: «*Стареешь, Илья...*»

Машина, мягко тронувшись с места, ушла с парковки, вывернула на широкую магистраль уровня и, набирая скорость, рванула вперед, сияя габаритными огнями в мягких, опускающихся на столицу Элио сумерках...

Странный коктейль, смешанный из полуосознанных предчувствий и четких, уже оформившихся выводов, бередил разум Горкалова. Бросив взгляд в боковое стекло, он поразился тому контрасту, который, в его субъективном восприятии, присутствовал между заливом и городом, словно мощный «Гранд-Элиот» не просто набирал скорость на прямом участке городской автомагистрали, а неся по линии терминатора, между алым светом Раворов и холодной зябкой тьмой, укрывшей человеческий мегаполис.

...Неужели кто-то из психологов действительно полагает, что способен разобраться в истинных, не выставленных на показ, а наоборот, глубоко спрятанных внутри ощущениях

отдельно взятого человека? Это нереально. Можно определить лишь общие тенденции, за которыми обязательно скрываются тысячи нюансов, определяющих сиюминутный момент, дающих толчок тому или иному поступку.

Именно поэтому ни один андроид никогда не разовьется до уровня человека. В нем нет упомянутого, скрытого оттенка ощущений: робот никогда не испытает крадущейся вдоль позвоночника дрожи, – смена настроения в блоках псевдоинтеллекта не сможет произойти просто оттого, что прохладный ветер пахнул в приспущенное боковое стекло, обдав лицо нежной, грустной осенней влагой...

Илья Андреевич вел машину легко, испытывая удовольствие от плавной, едва слышной работы водородного двигателя, мягкого, прорывающегося в салон шелеста покрышек по влажному стеклобетону скоростной магистрали, от сияния тысяч габаритных огней, что текли вокруг по изгибам многоуровневых дорожных развязок. Он изумлялся своим ощущениям, будто впервые обратил внимание на собственный внутренний мир и на город, обнимавший его, пульсировавший вокруг...

Его душевное равновесие крепло.

Неужели для этого нужно так мало: выйти из прокуренного сумрака своего кабинета, ощутить удовольствие от езды, скинуть груз заиклившихся на одном и том же мыслей, увидеть текущие огни города? Неужели и у других людей в определенные моменты чувство уверенности в самом себе, со-

причастности к жизни напрямую зависит от таких мелочей, как количество водорода в накопителях собственной машины, от ритма работы городских энергостанций, от того, ровно ли дышит это исполинское техногенное единение миллионов людей, каждый из которых, взятый в отдельности, на самом деле не думает ни о чем, кроме собственных, глубоко личных проблем и переживаний?

Наверное, в этом и кроется потаенный смысл термина «цивилизация» – не муравейник, нет, – незримое, чаще всего неосязаемое единение, которое реально проявляется лишь в момент, когда внезапно грянет беда...

...Площадь, на которую он выехал десять минут спустя, в прошлом была известна всей обитаемой Галактике. Это сейчас по ее серому стеклобетонному покрытию редко проезжают машины, а раньше, бывало, чтобы попасть сюда, требовался особый пропуск...

Илья Андреевич остановил свой «Гранд-Элиот» напротив президентского дворца. Справа, освещенное прожекторами, вздымалось в чернеющие небеса уступчатое здание Совета Безопасности Миров, перед которым слабый ветерок лениво шевелил флаги двух сотен планет. Это учреждение все еще действовало, выполняя теперь функции скорее номинальные, чем практические.

Горкалов вылез из машины и пошел прямо через площадь, мимо другого здания, которое темной массой высилось по левую руку от резиденции президента Элио.

Это был генеральный штаб военно-космических сил Конфедерации Солнц, от которого, по идее, осталось лишь название да эта скупо освещенная несколькими сиротливыми прожекторами коробка огромного, набитого компьютерами здания.

Илья Андреевич шел через площадь к сияющему огнями ресторану «Созвездие», пытаясь мысленно настроиться на встречу с Джоном, но его воображение, все еще взбудораженное полученным фрагментом расшифровки с древнего кристалла, подталкивало разум в иную сторону, будто нетерпеливый ребенок, который тянет своего родителя к киоску с заветным лакомством, – все мысли нет-нет да и сворачивали в одном и том же направлении.

Пересекая площадь, которая в прошлом являлась символом стабильности и процветания союза сотен миров, Илья Андреевич думал о Человечестве, о его дороге к звездам, одновременно поражаясь тому, что пятнадцать веков люди продвигались в космос, практически ничего не зная о своих разумных предшественниках, и вот за последнее столетие эти открытия вдруг посыпались одно за другим, будто кто-то невидимый опрокинул над Человечеством некий рог изобилия.

На самом деле ничего странного в подобном факте не было – просто на протяжении минувшего века разведывательные корабли Окраины все чаще и чаще стали вторгаться в зону преградившего путь дальнейшей экспансии Рукава Пу-

стоты. Попытки пересечь это загадочное место в поисках новых жизненных пространств для постоянно растущего Человечества и дали в конце концов девяносто процентов всех находок и открытий...

...С такими мыслями он подошел к стеклянным дверям «Созвездия», еще не подозревая, в каком состоянии, спустя час, выйдет отсюда.

* * *

Ресторан «Созвездие» был своего рода клубом, где собиралась политическая элита планеты.

Горкалов не испытывал пристрастия к подобным фешенебельным местам, где все чинно, чопорно и подчинено неписаным правилам неизвестно кем и когда выдуманных протоколов.

В его понятиях, так же как в жизни, все делилось на примерно равные части – то есть у Горкалова хватало как сугубо личных комплексов, так и, наоборот, той доли здорового юмора, который не позволяет некоторым предубеждениям перерасти в неприязнь или что похуже из адекватного набора человеческих чувств.

Поднявшись на второй этаж, он очутился в просторном зале, огромные панорамные окна которого выходили на залитую огнями площадь перед президентским дворцом. Посетителей за столиками было мало, и это порадовало Илью

Андреевича, тем более, что он с порога заметил Шеффорда, охрана которого, состоявшая из трех хмурых типов, сидела на почтительной дистанции, но дело свое знала: Илья мгновенно ощутил, как его буквально просветили насквозь три пары внимательных глаз.

Естественно, что кейс в руках Горкалова тут же вызвал их подозрение, но Джон, который также заметил появление Ильи Андреевича, сделал пренебрежительный жест рукой – сидите, мол, не дергайтесь.

Охранники осели, но не расслабились, и три пары глаз продолжали следить за Горкаловым, пока он шел к столу, обменивался с генералом рукопожатием, – в общем, исполняли свои прямые обязанности.

Сев к ним спиной, Илья просто выкинул из головы этих отстраненных от сути дела наблюдателей.

Внешне Шеффорд не очень изменился за прошедшие годы, разве что погрузнел немного, а вот в его повадках, манере общаться появилось много нового. Он явно осознавал свое нынешнее общественное положение и вел себя соответственно.

– Ну, Илья, что у тебя за проблемы? – спросил он, покосившись на ноутбук, который Горкалов положил на стол, сдвинув для этого часть сервировки.

– Дело серьезное, Джон, – в тон ему ответил Горкалов, решив, что нечего ходить вокруг да около, не для того просил о личной встрече. – Сколько у нас времени? – осведомился он.

– Минут сорок могу себе позволить.

Илья Андреевич кивнул, активируя систему переносного компьютера.

Нужно отдать должное Шеффорду, – он не стал недоумевать, а сразу переключил внимание на экран, правда, не забывая при этом работать ножом и вилкой.

Илья едва притронулся к богатому выбору присутствующих на столе блюд, и потому изложение фактов, перечень которых он тщательно готовил, не заняло у него более пятнадцати минут.

Джон слушал его внимательно, но по лицу генерала невозможно было угадать, насколько сильно действует на его воображение лекция по истории древнего мира.

Наконец, когда Горкалов умолк, Джон после некоторой паузы спросил:

– История – это хорошо, Илья, но ты мне объясни, к чему лекция? По какому поводу?

Горкалов ждал подобного вопроса.

– Месяц назад по каналу ГЧ³ пришло сообщение, с использованием боевых кодов Конфедерации Солнц. Часть передачи велась открытым текстом, но это было сделано скорее для привлечения внимания к самому сообщению, которое кодировано шифром двадцатилетней давности, – произнес он, доставая из кейса лист распечатки.

Шеффорд принял его и пробежал глазами по строкам.

³ ГЧ – Гиперсферная Частота, вид внепространственной связи.

«Исходящее:

Борт крейсера «Орфей». Гуманитарная миссия Совета Безопасности Миров.

Всем станциям Гиперсферной Частоты.

Код тревоги – красный.

Докладывает галакт-лейтенант Стриммер, личный номер Р4982.

Допошу до сведения всех структур безопасности: 27 мая 3775 года, в результате поисково-картографических работ десантной группой, высаженной с борта крейсера «Орфей», обнаружены следы уничтоженной колонии на планете YR-207 по универсальному каталогу.

Подверглись атаке со стороны...»

Джон поморщился и кивнул, не дочитав текста сообщения:

– Я в курсе, – проронил он, возвращая Горкалову лист. – «Орфей» пропал двадцать лет назад. По-моему, нет смысла копаться в столь далеком прошлом.

– Бессмысленных вещей не бывает, – сделав вид, что не замечает пренебрежительный тон Шефорда, произнес Горкалов и тут же спросил:

– Ты знаком с полным текстом передачи?

– Да, – ответил Джон. – Но я не считаю, что это правда. – Шефорд откинулся в кресле, пренебрежительно взмахнув

рукой. – Посуди сам, никому не известная женщина, назвавшаяся лейтенантом Военно-космических сил, вдруг объявляется после двадцатилетнего отсутствия и по каналам Гиперсферной Частоты заявляет на весь обитаемый космос, что мы вот уже полвека находимся в состоянии войны с неизвестной расой, представители которой, – вдумайся, – пришли из соседней Галактики и уничтожили целую колонию, о существовании которой никто даже не подозревал. По-моему, это просто бред. Покопайся в Сети Интерстар, там таких амбициозных заявлений – пруд пруди. Психов кругом навалом... – с досадой заключил он.

Горкалов и не ожидал, что разговор получится простым. Он терпеливо выслушал отповедь Шефорда и спокойно спросил:

– Скажи, а после получения шифровки кто-нибудь проверил «Воргейз»?

Джон неодобрительно покачал головой.

– Ты имеешь в виду эту мифическую колонию?.. Нет, конечно, – признал он. – Не те времена, Илья, – Конфедерации нет, каждый выживает сам по себе, и подобные сигналы уже не могут, как в прошлом, вызвать реакцию: реагировать некому. Не станет же правительство Элио субсидировать экспедицию за сотню световых лет, чтобы проверить сообщение, от которого пахнет обыкновенной паранойей...

– А почему ты не веришь в это сообщение? – Прежде чем

говорить дальше, Илья Андреевич хотел понять логику Джона. – Ведь по указанным координатам действительно существует планетная система, а колониальный транспорт «Воргейз» на самом деле стартовал с Земли в двадцать четвертом веке и без следа канул в аномалии космоса.

Шефорд посмотрел на Горкалова с явной укоризной во взгляде.

– Нет, Илья... – отрицательно качнул головой генерал. – Ты же должен понимать – это не доказательство. Архивы со списками колониальных транспортов общедоступны. Эту шифровку мог состряпать кто угодно. Теперь, когда коды связи Конфедерации уже не являются военной тайной, ими могут воспользоваться все, вплоть до откровенных параноиков. – Он внезапно протянул руку и взял лист распечатки. – В этом, – он медленно скомкал лист и уронил его на пол, – нет ни грамма здравого смысла. – Тон Шефорда был жестким, неприязненным и исключаящим возражения.

Горкалов никак не отреагировал на внезапную грубость. Он продолжал спокойно смотреть на генерала, и тому пришлось пояснить свою раздраженность:

– В качестве источника вторжения там указана Туманность Андромеды, а это миллиарды световых лет от нас, бездна межгалактических пустот... – веско обронил он и тут же добавил, ставя, как ему казалось, жирную точку в конце всей проблемы:

– Нужно быть идиотом, чтобы вторгаться из своей Галак-

тики в чужую, преодолевая такой провал пустоты. Это нонсенс, Илья... Притянуто за уши. Я удивлен, что ты купился на подобную чушь...

Илья Андреевич выслушал его, по-прежнему не выказав никаких эмоций. Нагнувшись, он поднял с пола скомканный листок, аккуратно расправил его, положил на стол рядом с ноутбуком и произнес:

– Я воспринял твою логику, Джон. Рад, что ты по-прежнему мыслишь здраво. Теперь позволь мне отнять еще минут десять твоего драгоценного времени.

Шеффорд, который вновь принялся есть, пренебрежительно махнул вилкой – валяй, мол, только ничего ты не добьешься, все уже и так ясно...

Горкалов поправил ноутбук, повернув его так, чтобы генералу был лучше виден экран, как бы невзначай коснулся при этом не приметного сенсора, расположенного на углу пластикового корпуса, и произнес:

– Есть некоторые факты, Джон, которые на первый взгляд кажутся незначительными, но во взаимосвязи начинают прописывать определенную схему. – Он на секунду задумался, собираясь с мыслями, а затем продолжил:

– Ты ведь не станешь отрицать, что в древности на территории освоенного человечеством пространства существовало, как минимум, три разумных расы?

– Нет, не стану. Они были, – легко согласился Шеффорд.

– Тогда ты должен понять мою логику так же, как я вос-

принял твою. – Тон Горкалова оставался серьезным, слова – спокойными и взвешенными:

– Принято считать, что древние цивилизации погибли под ударами предтеч, оставив после себя лишь Сферу Дайсона, Рукав Пустоты и известное количество артефактов, большинство из которых обнаружены совсем недавно...

Шеффорд кивнул, продолжая есть. Он не понимал, в какую сторону клонит Горкалов, но следующие слова отставного полковника заставили его насторожиться, застыв с не донесенной до рта вилкой.

– Незадолго до краха Конфедерации на спутнике Эригона, Луне-17, был обнаружен и реанимирован фотонный мозг, который три миллиона лет назад управлял Сферой Дайсона.

Шеффорд опустил вилку и машинально потер подбородок. От взгляда Горкалова не укрылось, что генерал внезапно перестал есть.

– Ну и что? – справившись с какими-то внутренними эмоциями, переспросил Джон.

– На Луне-17 шли серьезные боевые действия, в результате которых древний фотонный мозг едва не погиб, – напомнил ему Илья Андреевич. – Интеллект был травмирован, лишился части своих составляющих и чудом успел ускользнуть оттуда, унося твердую уверенность, что люди – его враги.⁴ Вернувшись на свое исконное место, в Сферу, и обнару-

⁴ К вопросу об Интеллекте – см. А. Л. Ливадный. «Галактический Вихрь», ЭКСМО, 1999 г.

жив на ее разрушенных просторах все тех же людей, случайно занесенных туда через аномалию космоса, он начал войну против существующей колонии, что, в свою очередь, едва не привело к катастрофе галактического масштаба. – Горкалов на миг умолк, заметив, как Шеффорд неосознанно скомкал салфетку, сжав ее в кулаке.

– Это было давно, – ответил Джон, не глядя на собеседника. – Сейчас Интеллект сотрудничает с людьми, – натянуто добавил он.

– Сотрудничает, – согласился с ним Горкалов. – Но делает это скорее вынужденно, ради восстановления искалеченной Сферы. – Он исподлобья взглянул на Шеффорда и добавил:

– Давай отнесем его в разряд сил не враждебных, но и не дружественных, и запомним, что существует эта темная лошадка, под контролем которой с каждым годом оказывается все больше и больше пространств Сферы Дайсона.

Джон нехотя, через силу, кивнул. Ему явно не нравилось направление, которое внезапно принял разговор, но Горкалов, исподволь наблюдая за ним, не понимал, отчего бывший сослуживец с таким предубеждением относится к его упоминанию о Сфере Дайсона и древней машине инсектов...

Может, у него просто скверное настроение? Хотя вряд ли – ведь началась встреча нормально, без предубеждений, а теперь вдруг такое неприятие...

– Ладно, не будем уходить от темы... – произнес Илья, делая вид, что не замечает угрюмого выражения лица свое-

го высокопоставленного собеседника. – Меня в данном случае интересует не столько сам Интеллект, сколько способ его бегства из схрона на Луне-17.

Шеффорд продолжал хмуриться, вяло ковыряя вилкой.

– Многие исследователи сходятся в том, что расы древности не имели понятия о гипердрайве, – продолжил свою мысль Горкалов. – Но Луну-17 и Сферу Дайсона разделяют семь с половиной парсек,⁵ – заметил он, – а фотонный мозг инсектов успешно преодолел их.

Шеффорд некоторое время обдумывал его слова, а потом вдруг попытался вовсе отмахнуться от них:

– Не все так однозначно, Илья... – буркнул Джон, поднимая бокал, но Горкалов остановил его:

– *Не все архивы Конфедерации стали достоянием гласности*, – поправил он генерала, демонстративно прикрыв ладонью свой бокал. – Выпьем чуть позже, Джон, если не возражаешь. – Он сощурился. – Нет смысла кружить в поисках истины – мы-то с тобой знаем, что в пещере на спутнике Эригона были обнаружены остатки конструкции, которая похожа на стационарный генератор низкочастотных импульсов.

Шеффорд некоторое время молчал, но потом был вынужден кивнуть.

– Это закрытая информация, – не удержавшись, упрекнул он Илью Андреевича.

– Я помню. – Горкалов по-прежнему был серьезен и со-

⁵ Парсек – мера астрономической длины, равная 3,26 светового года.

бран. – Я давал подписку о ее неразглашении.

– Ну хорошо... – Шеффорд со вздохом отложил вилку. – Да, ты прав. Существовал тоннель, связывавший Сферу Дайсона и схрон на Луне-17. Но что это доказывает? Технология стационарного генератора слишком примитивна, это наш позавчерашний день. Принцип станций Гиперсферной Частоты по своей эффективности в сотни раз превосходит тот контур, обломки которого остались на Луне-17 после бегства Интеллекта. Это ничем не грозило и не грозит нам, – современные инсекты выродились, а пользоваться технологией гиперпространственных тоннелей просто нерентабельно, – чтобы связать такой канал с какой-либо планетой, туда сперва нужно доставить устройство низкочастотных импульсов.

– Вот тут ты не прав, – возразил Илья Андреевич.

– В чем? В том, что на обоих концах тоннеля должны размещаться адекватные устройства?

– Нет. Ты верно трактуешь технологию и ее минусы, но заблуждаешься, утверждая, что существование низкочастотного генератора у древних инсектов ничем нам не грозит. – Горкалов вновь обратился к компьютеру, который принес с собой. – Я не зря прорисовал пространственную схему расселения древних рас и морочил тебе голову лекциями на тему истории древнего мира. Посмотри сюда, – он очертил алым курсором место, где на окраине современного Рукава Пустоты некогда располагались планеты инсектов, затем дельфонов, а за ними, чуть глубже, – космические поселения логри-

ан, и пояснил:

– Ты верно заметил, Джон, – инсекты действительно путешествовали от звезды к звезде в трехмерном континууме, затрачивая на это десятилетия, а может быть, и века. Но сам факт существования тоннеля, ведущего с Луны-17 в сферу Дайсона, неопровержимо доказывает, что они обладали зачатками знаний о гиперсфере, а значит – могли иметь подобные порталы и на иных мирах, *куда отступили*, когда Сфера Дайсона затрещала по швам под ударом предтеч. Это наводит на мысль, что цивилизация инсектов не погибла, как принято считать, а бежала, не находишь?

Последний вопрос опять вызвал замешательство со стороны Шефорда. Разговор явно чем-то тяготил его, но что именно беспокоит генерала, Горкалов угадать не мог. Он лишь мысленно пообещал себе, что займется данным вопросом чуть позже, в зависимости от конечного результата их натянутого общения.

– Если ты допускаешь существование системы гипертоннелей, связывающих Сферу с некими мирами, то почему инсекты не иммигрировали туда раньше? – спросил Шефорд. – Если им было куда скрыться, зачем они строили Сферу и старались до последнего удержаться в ней?

– Видимо, там, куда они в конце концов были вынуждены бежать, их не ждали, – пояснил Горкалов, который уже обдумывал эту проблему. – То была крайняя, вынужденная мера, а транспортные артерии инсектов могли вести на уже

освоенные кем-то планеты, не допускаешь? Но об этом чуть позже... – Илья внимательно посмотрел на собеседника и внезапно спросил:

– Ты можешь мне ответить, как образовался Рукав Пустоты?

Шеффорд пожал плечами. Это же было так естественно. Зачем спрашивать, когда об этом после рассекречивания архивов Черной Луны и так разразились на всю обитаемую Галактику?

– Дельфоны, – коротко ответил он. – Они взрывали звезды на пути миграции предтеч.

Горкалов кивнул и вдруг, прищурясь, заметил:

– Двадцать звезд, колонизированных этой расой, составляли рассеянное скопление на краю Рукава. От их гибели могла образоваться лишь полоска мрака, а не весь Рукав. Далее, – он не позволил задавать себе встречные вопросы, – смотрим на следующую проблему: почему логриане строили огромные космические дома, а не расселялись на планетах?

– Ну для этого может быть много причин...

Илья отрицательно покачал головой.

– Думаю, что причина одна, – он передвинул световой маркер, очертив им край Рукава Пустоты. – Смотри, здесь располагались планеты дельфонов. Далее, в районе Сферы, – миры инсектов. То есть сюда путь для экспансии логриан оказался заказан. Но почему тогда не в другую сторону, противоположную дельфонам и инсектам, – вот в эту бескрай-

нюю черноту?

Джон лишь хмыкнул, глядя в огромное, лишенное звезд пустое пространство, которое очерчивал маркер, и Горкалов был вынужден продолжить мысль, сам сформулировав ответ:

– Думаю, что сзади логриан подпирал кто-то еще: большая успешная цивилизация, оккупировавшая все доступное жизненное пространство. Вот почему они толклись в узкой прослойке космоса, строя исполинские сооружения в пустоте. *Им некуда было экспансировать!..*

– Но, позволь! – Шеффорд, казалось, сбился с толку, ничего не понимая. – Там же пустота! Океан пустоты, Рукав!

– Вот именно, – спокойно ответил ему Илья. – Пустота там, где по аналогии с иными участками космоса, должно быть звездное скопление, вероятнее всего, шаровое! Куда оно делось? Сожрано предтечами? Взорвано? – Горкалов покачал головой. – Сомневаюсь... Скорее, оно замаскировано.

– Целое скопление? – усомнившись, хохотнул Шеффорд, но смешок вышел нервным, ненатуральным и слишком громким, – охранник за соседним столиком повернулся и несколько секунд смотрел на генерала, пытаясь сообразить, не требуется ли тому помощь.

Горкалов подождал, пока Джон успокоится, и только тогда продолжил:

– Я ничего не утверждаю голословно. Всем моим догадкам есть подтверждения.

– Какие?..

– Рассказы очевидцев, побывавших там. Вот... – Горкалов вытащил из кейса пачку листов с распечатками. – Это документированные в бортовых журналах отчеты, – я собрал лишь официальные версии свидетельств о проникновении наших кораблей в некую загадочную область, где царит ослепительный свет тысяч близко расположенных звезд. А это, – он указал на несколько отдельно скрепленных листов, – упоминания о некогда существовавших технологиях логриан, сохранившиеся в устных преданиях сегодняшних анклавов инсектов. Там говорится, что логриане умели искривлять пространство. Свет в сильном поле гравитации будет отклоняться в сторону источника тяготения и могут быть созданы такие условия, когда фотоны станут ходить практически по кругу, не вырываясь наружу.

– Зачем это делать? – напряженно осведомился Шеффорд. – Объясни, зачем им нужно было скрывать свет, исходящий от целого скопления звезд?

– Предтечи, – пояснил Горкалов, полагая, что этим термином выскажет все, но Джон продолжал смотреть на него, что-то обдумывая, и Илье Андреевичу пришлось развернуть свою мысль:

– Предтечи шли на свет. Где звезда – там и планеты, а значит – необходимое им вещество. Примером может послужить вид хищников, реагирующих на движение и не замечающих неподвижный объект... так и орды предтеч: они ре-

флекторно шли на свет звезд.

– Ладно... – Ладонь Шефорда тяжело легла на стол. – И как все это происходило в твоём видении?

Илья Андреевич ответил не сразу. Не нравилась ему реакция Шефорда, но тут он уже ничего не мог поделать – сам напросился на разговор, так что уж теперь...

– Представь себе такую реальность, Джон... – Илья Андреевич говорил медленно, тщательно формулируя каждую фразу:

– Когда три миллиона лет назад началась вторая волна миграции предтеч, то планеты инсектов первыми погибли под их ударом. Сфера Дайсона не выдержала напора, и из нее был эвакуирован Интеллект. На фоне этого апокалипсиса дельфоны уже начали взрывать звезды, но и такая мера не смогла остановить сонмища древней формы пространственной жизни... – Горкалов взглянул на экран и продолжил:

– Логриане понимали, что они являются следующими на очереди, а потом должен был настать черед той гипотетической расы, которая, по моим выводам, обитала в шаровом скоплении. Порталы инсектов, расположенные в агонизирующей Сфере Дайсона, скорее всего, связывали их искусственный мир с планетами упомянутого шарового скопления, – убежденно произнес Горкалов. – Возможно, эти каналы были официально действующими и служили для торговых связей между двумя цивилизациями, а быть может, инсекты, предвидя развитие ситуации, загодя доставили при-

емные устройства гиперсферной транспортировки, без ведома хозяев тех миров, на случай, если их все же не укроет возведенная вокруг родной звезды Сфера Дайсона и они будут вынуждены спастись, бежать, как, вероятнее всего, и вышло. – Илья щелкнул пальцем по схеме, указывая на желтые маркеры артефактов, оставшихся на территории Рукава. – Логриане также страстно желали скрыться, – продолжил он свою мысль, – но бежать им было некуда, – впереди гибли звезды дельфионов, а позади, на пригодных для обитания планетах, уже разгорался конфликт между спасавшимися бегством инсектами и истинными хозяевами скопления.

Шеффорд сидел, забыв о еде, и смотрел на Горкалова мутными, белесыми глазами. Генерал явно переживал внутри себя нечто, неподвластное пониманию Ильи.

– Думаю, что за тот период, пока погибали колонии ластоногих, в скоплении установился хрупкий мир... – нарушил паузу Горкалов. – Вероятно, инсектам удалось закрепиться на части планет, – там, где присутствовали их порталы, и существа, которым изначально принадлежало скопление, решили выбрать меньшее из зол: вместо продолжения кровопролитной войны с инсектами, добровольно принять две беглые расы к себе, – на определенных условиях, конечно...

– А что они выгадали? – словно очнувшись от наваждения, хрипло спросил Шеффорд, тут же сделав глоток вина, чтобы промочить пересохшее горло.

Илья Андреевич уже обдумывал этот вопрос и потому ответил на него достаточно уверенно:

– Очевидно, в результате межрасовых договоренностей, логриане получили возможность использовать свои технологии, разместив по периферии скопления искусственные источники гравитации, которые заставляли свет медленно поворачивать, а орды инсектов, оказавшихся бездомными, были использованы в этих титанических усилиях как добровольная рабочая сила... Понимаешь, Джон, ими в тот момент должен был править страх – всеобщий страх перед неизбежной гибелью под ударом предтеч. Разумные расы, при всех различиях, еще кое-как могли договориться между собой, найти компромисс, какую-то взаимовыгоду, почву для единения, а вот с предтечами договориться было невозможно – они не обладали разумом. Поэтому страх перед ними оказался в какой-то момент сильнее ксенобиологических различий. Это и есть *истинная причина* возникновения Рукава Пустоты.

Илья откашлялся и вновь обратился к откидному дисплею ноутбука:

– Вот тут, – световой маркер, повинаясь его воле, очертил большую часть Рукава Пустоты, – по исполинской, невидимой для нас сфере кружат накопленные за миллионы лет фотоны. В той области действительно громадная гравитационная аномалия – это мне удалось проверить по существующим данным. Если я прав, значит, за ней скрывается скоп-

ление звезд, свет которого попросту не доходит до нас.

Шеффорд вытер рот салфеткой и откинулся на удобную спинку кресла.

– Хорошо... Допустим... – произнес он. – Но я по-прежнему не понимаю, при чем тут...

– Воргейз?

– Да.

Горкалов поморщился, глядя на бывшего сослуживца. Неужели Джон просто не хочет ничего понимать из-за какого-то высокомерного упрямства, развившейся вдруг узколобости? Или причина его пренебрежения кроется глубже, и под ней есть конкретная почва?

Горкалов привык анализировать поведение собеседника и ясно видел – Шеффорд не придуривается, он просто пытается сыграть под дурачка, причем делает это достаточно неуклюже.

«Что ж... Ошибаться в людях всегда неприятно... Жаль, что делового разговора уже не получится, – подумал Илья Андреевич, – но доводить его до логического конца придется».

– Давай теперь разберемся в шифровке... – сделав над собой усилие, произнес он. – Лейтенант Стриммер сообщает, что на Воргейзе обнаружены следы вторжения. Колония уничтожена некими гуманоидными существами, имеющими ярко выраженный голубой оттенок кожи. В качестве ударной силы они использовали насекомых, причем в сообщении чет-

ко упомянуто, что насекомообразные существа находятся в стадии так называемого «искусственного регресса». – Горкалов посмотрел на Шефорда и пояснил:

– Этот механизм эволюционной приспособляемости обнаружен у инсектов совсем недавно. Первые статьи о нем появились несколько месяцев назад в узкоспециализированных изданиях и никак не могли стать источником информации для нашего, как ты считаешь, шутника-параноика. Это, во-первых... Во-вторых, обрати внимание, далее лейтенант Стриммер сообщает, что техническую поддержку вторжения осуществляли, – он взял листок распечатки, – цитирую: «негуманоидные существа с чешуйчатыми кожными покровами...» Так... – Он пропустил часть описания. – Ага, вот: «...ксенобиология ярко выражена наличием двух голов, посаженных на длинных гибких шеях. Называют себя логрианами».

Горкалов отложил лист и взглянул на Шефорда.

– Ответь, Джон, много людей осведомлено о существовании расы логриан?

Генерал несколько секунд сверлил собеседника угрюмым взглядом, а затем произнес:

– Нет. Я сам узнал об открытиях в Рукаве Пустоты не больше месяца назад.

– Вот именно. Теперь оцени эти совпадения с точки зрения здравого смысла и ответь – что в шифровке правда, а что – нет?

Джон упрямо покачал головой.

– Мне достаточно глупого нонсенса с Туманностью Андромеды, Илья. Ты не сможешь убедить меня в обратном.

– Попробую... – хмыкнул в ответ Горкалов. – Я не поленился поднять списки личного состава «Орфея» и архивные характеристики. Лейтенант Лиза М. Стриммер, подписавшая сообщение, действительно входила в экипаж крейсера Совета Безопасности, выполнявшего миссию картографической разведки, и, судя по отзывам, она хороший боевой офицер, но не аналитик, потому и купилась на *подсунутые ей факты*. – Горкалов выделил интонацией последнюю фразу и пояснил:

– Прочитав шифровку, я две недели сопоставлял факты, пытаюсь понять, что в ней правда, а что нет. А когда увязал концы с концами, то позвонил твоему секретарю с просьбой о встрече.

– Зачем? Чтобы убедить меня в том, что черное – это белое? – с плохо скрытой неприязнью в голосе спросил Шеффорд.

Горкалов отрицательно покачал головой.

– Существа, о которых говорится в шифровке, реальны, Джон. Они действительно оккупировали, а затем уничтожили потерянную колонию, позаботившись при этом, чтобы любой, кто обнаружит их, пошел по заведомо ложному следу. Соседняя Галактика – это абсурд, согласен. Но давай на миг отбросим предубежденность, поверим, что отсекли дез-

информацию, и тогда факты начинают укладываться в рамки определенной логики...

Шеффорд продолжал хмуриться, машинально постукивая пальцами по подлокотнику кресла. Он не верил или же *не хотел верить* в сообщение о Воргейзе, видимо, вообще сбрасывал со счетов существование этой колонии.

– Под любым конфликтом должна быть почва... – наконец произнес он, признавая тем самым, что доводы Ильи звучат достаточно убедительно, чтобы от них нельзя было просто отмахнуться. На миг показалось, что непонятная предубежденность Шеффорда наконец дала трещину и он начал мыслить здраво.

Горкалов кивнул.

– Жизненное пространство, – лаконично пояснил он.

Шеффорд некоторое время размышлял над этим словосочетанием, а затем насмешливо возразил:

– Ты же сам сказал – там целое шаровое скопление.

Илья Андреевич поморщился.

– Ты ведь знаешь, что звезды в плотных скоплениях имеют исключительно мало планет, – произнес он, – и лишь ничтожная часть из них, – может быть, всего несколько сот, – пригодны для жизни.

Шеффорд покачал головой и вдруг заметил:

– Миграция предтеч проходила три миллиона лет назад. Пусть все сказанное тобой – правда, но почему эти загадочные существа никак не проявляли себя раньше? Что застав-

ляло их жить в изолированном от всей Вселенной скоплении, не высывая носа наружу и даже не поинтересовавшись, а не сгинули ли их враги? И отчего они вдруг объявились теперь, а не сто, не двести, не тысячу лет назад? – Казалось, что он задает эти вопросы не Горкалову, а самому себе, – на скулах Джона играли желваки, будто в душе у него шла борьба.

– Я объясню, – ответил Горкалов. – Думаю, что основной причиной пассивности запертых в скоплении рас стал их регресс. На мой взгляд, ситуация три миллиона лет назад развивалась следующим образом... – Горкалов дотянулся до бокала и сделал глоток, промочив пересохшее горло. – Когда логриане отдали делу общего спасения свои технологии, а инсекты – рабский, титанический труд миллиардов особей, то хозяева скопления нарушили договор, следствием чего стала глобальная война, за которой последовал естественный, неизбежный регресс разоренных миров, подрыв существующей экономики, упадок технологий, и в результате – выжившие *остатки* трех, вынужденно сосуществующих в ограниченном пространстве цивилизаций, попросту утратили большинство имевшихся знаний, – по сути для них наступили темные тысячелетия изоляции, а затем начался новый виток истории и медленного прогресса...

Илья Андреевич подался вперед, надеясь, что его слова наконец найдут отклик в разуме генерала:

– К тому времени, когда развился конфликт, скопление

уже было закрыто щитом логрианских устройств, предтечи туда не вторглись, но и три расы забыли об окружающем космосе. Подумай, Джон, – три миллиона лет они варились там в собственном соку, фактически утратив воспоминания о существовании Вселенной, пока наша Экспансия не уперлась в Рукав Пустоты. Инсекты давно запамятовали о порталах и своей Сфере, логриане – о космических домах и компьютерах, верх над ними в конце концов, вероятно, взяли голубокожие, поработив пришлых и впитав все, что могли взять от них, в плане технологий. Ты бывал в шаровых скоплениях, Джон?

– Нет, – откровенно признался Шеффорд.

– Там свет. Повсюду – свет. Добавь сюда искривленное по кругу излучение, и ты поймешь: они забыли о безграничности Вселенной, пока в их пространство, на протяжении последнего столетия, не начали проникать наши, человеческие корабли. Понимаешь? Мы сами потревожили их, заставили очнуться, задать вопрос, откуда? Откуда появляются эти странные пришельцы? Потом, заметь, – нами же, – был реанимирован Интеллект. Древний компьютер инсектов вернулся в Сферу и, по логике, что он должен был сделать в первую очередь?

– Найти расу своих создателей? – не очень уверенно предположил Джон.

– Да, – ответил ему Горкалов. – Распечатать, реанимировать доступные порталы, проверить их функциональность.

– И что дальше?

– Дальше следует закономерный вывод: на данный момент в скоплении господствует раса голубокожих гуманоидов, и они быстрее нас поняли суть происходящего. Отсюда – трагедия Воргейза. Они имели время и возможность наблюдать за нами, затем намеренно избрали одну из потерянных колоний, чтобы более основательно изучить людей и присвоить максимум наших технологий.

– Ты считаешь, что они напрочь лишены такого понятия, как этика? – мрачно осведомился Шеффорд таким тоном, будто опять на секунду забылся и беседовал не с Горкаловым, а с самим собой, пытаясь осмыслить какой-то личный, внутренний вопрос. – Ты так запросто утверждаешь, что разумные существа способны уничтожить целую колонию других разумных существ ради экспериментов над человеческой биологией и ознакомления с нашими техническими возможностями?!

Илья Андреевич помрачнел.

– А разве у нас нет тысячелетней истории вивисекции?⁶ – После некоторого раздумья, жестко ответил он. – Опыты над обезьянами, над приматами Прокуса, клонирование ради донорских органов, биороботы, геноцид, войны? Это что, не часть нашей истории? Или мы не являемся расой разумных существ? Может быть, мне нужно огласить весь список

⁶ *Вивисекция* (лат. *vivus* – живой + *sectio* – рассечение) – выполнение операций на живом животном с целью изучения функций организма.

смертных грехов человечества, которые имели и имеют место, хотя в корне противоречат нашим же собственным законам этики? Джон, давай просто посмотрим правде в глаза...

Шеффорд долго молчал, обдумывая последние утверждения Горкалова.

Для грамотного специалиста доводы и факты, прозвучавшие из уст бывшего офицера внешней разведки, должны были стать, как минимум, информацией к серьезному размышлению, но Джон, соображаясь с какими-то ведомыми лишь ему побуждениями, решил занять иную позицию: повернуть разговор так, чтобы он стал пахнуть притянутыми за уши домыслами одинокого, давно оказавшегося не у дел отставного полковника, подвигающегося на ниве археологии космоса...

– Илья, ты, видно, засиделся дома, – нарушив молчание, наконец произнес он. – Я понимаю, исследования, все такое прочее, а ты боевой офицер... Может быть, после падения Конфедерации ты неудачно выбрал карьеру? – с наигранным сожалением в голосе добавил Шеффорд. – Копаешься в прошлом, а душа ведь наверняка рвется не туда... Ты *хочешь* увидеть опасность для Человечества – вот в чем твоя беда.

Лицо Горкалова посерело.

– Я ничего не преувеличил, Джон. – Он все еще старался не вспылить, хотя понимал – разговор окончательно зашел в тупик.

– Тогда ответь мне прямо, чего ты добиваешься, в конце

концов? – буркнул Шеффорд.

Илья Андреевич в первый раз за весь разговор утратил самообладание.

– Я не прошу тебя о какой-нибудь услуге, – я просто предупреждаю, доношу информацию до сведения! – резко ответил он.

– Ты предупреждаешь меня о возможности войны?

– Об опасности. Любую ситуацию можно разрешить, предвидя ее. Гораздо честнее и проще истратить миллион кредитов и понять, что ошибся, чем загубить миллион жизней из-за собственного нежелания слушать.

Шеффорд насупился.

– Не перегибай, Илья!

– Я не перегибаю, Джон. Война редко вспыхивает сама собой. У ее истоков обязательно стоит либо чей-то конкретный интерес, либо обыкновенная некомпетентность политиков. Я привел тебе конкретные выкладки – почему ты не хочешь их слушать? В чем твой интерес, Шеффорд?

Лицо генерала побагровело, пошло пунцовыми пятнами. Было видно, что он едва сдерживает себя, и это еще более разозлило Горкалова. Он ненавидел людей, которые вдруг начинали изворачиваться, как живой змееед Прокуса, брошенный на горячую сковородку.

– Не думай, Джон, что, нацепив генеральский мундир, ты стал ближе к богу, – произнес Горкалов. – Не хочешь ничего слышать – не надо. Дойду до министра обороны, ты меня

знаешь.

– Он министр обороны Элио, а не Сферы Дайсона!.. – раздраженно оборвал его Джон. – Пусть об Интеллекте и порталах болит голова у тех, кто там живет!.. У нас по горло собственных проблем, и Элио не может реагировать на все события, происходящие в границах обитаемого космоса.

Илья смотрел на него, прищурясь.

Интуиция полковника подсказывала: Шеффорд чего-то испугался, уж слишком явной оказалась смена настроения, от вялой, вальяжной заинтересованности к резким, оскорбительным и необоснованным выпадам.

Логика. Она еще никогда не подводила Илью.

– А ответить за загубленные жизни ты сможешь? – внезапно спросил он, используя старый прием.

Слепой удар точно попал в цель, вот только в какую?

Взгляд Шеффорда почернел, стал откровенно враждебным, но Горкалов успел уловить, как в нем мелькнула растерянность, прежде чем генерал окончательно взорвался:

– Ты слишком много мнишь о себе, Илья! Хватит! – Шеффорд внезапно ударил ладонью по откинутой крышке ноутбука, и тот захлопнулся. Его охрана за соседним столиком зашевелилась. – Я больше слышать ничего не желаю ни о Сфере, ни каком-то там Воргейзе, ни о...

Он не договорил, заметив, что Горкалов встал.

Взяв в руки кейс переносного компьютера, Илья Андреевич чиркнул своей кредитной картой по прорези сканера,

расположенной в торце стола, и сказал:

– Всего хорошего, Джон. Извини, что отнял у тебя время...

Глава 3

Законы эволюции доказаны временем. Они гласят, что в природе выживает сильнейший и борьба видов, соперничество популяций не только имеет место быть – она лежит в основе всего сущего.

Люди, перешагнув порог, отделяющий инстинкты от разума, написали иные законы, которые, в конечном итоге, отвергли взаимоистребление, как способ существования видов.

Но это не значит, что Вселенная подчинилась новым правилам игры – она осталась неизменной, более того – кроме многих опасных физических явлений, которые предлагает нам мироздание, в нем, с огромной долей вероятности, могут существовать и иные силы...

...Точка пространства – неизвестна.

Реальное время – неизвестно.

Комната тонула в мягком сумраке.

Тусклая потолочная панель, покрытая замысловатым орнаментом, давала ровно столько света, чтобы можно было различить силуэты двух фигур, занятых совокуплением на широком ложе.

В интимном сумраке ритмично вздымалась и опадала широкая мускулистая спина, покрытая бледной голубоватой кожей.

Обстановка комнаты своей мрачностью и гробовой тишиной напоминала узкую келью средневекового замка, с той разницей, что в это помещение никогда не ступала нога человека.

В вязкой сумеречной тишине раздался удовлетворенный стон.

Спустя несколько минут Лоит грубо оттолкнул от себя женщину, обессиленную и мгновенно уснувшую. Тихо прошуршала ткань, легкое покрывало сползло на пол, затем раздался глухой стук и вскрик.

Он лежал, уставившись в тускло сияющий потолок, и думал о вечности, которая, по сути, всего лишь медленная, мучительная агония разума...

Отрицать это было бессмысленно, а размышлять над данным постулатом – неприятно.

Имени женщины, которая провела с ним эту ночь – первую после реинкарнации, – он не знал. В Сердце Харма Лоит бывал нечасто, может быть, раз в столетие, а может, и реже, но все равно обстановка зарезервированной за ним комнаты казалась привычной до тошноты.

Он не мог припомнить, сколько раз приходил в себя на этой самой кровати и рядом, согревая дрожащее после крионического сна тело, неизменно оказывалась смертная жен-

щина – теплая и покорная.

Теперь, когда он согрелся, а звериная жажда обновленной плоти была наконец удовлетворена, за дело взялся разум Лоита – старый и изношенный, как серая половая тряпка, которая некогда была богатой одеждой...

Старый разум полностью овладел молодым телом, точно так же, как на протяжении нескольких часов раз за разом оно овладевало женщиной.

Теперь, лежа в согретой постели и глядя в потолок, он понемногу начал припоминать смутные обстоятельства своей последней смерти.

«Хотя... – усмехнувшись, подумал он, – опыт вечности способен сделать скучной и предсказуемой даже смерть...»

Нужно родиться тут, в скоплении Сетторена, чтобы знать, насколько неблагоприятно занятие – убивать бессмертных.

От этой мысли синеватые губы Лоита опять тронула легкая улыбка, которую человек посчитал бы отвратительной гримасой трупа.

Не обращая внимания на женщину, которая сидела в углу, сжавшись в комок и зажимая рукой разбитую в кровь губу, он встал и неторопливо оделся.

Впереди его ждала масса незаконченных дел.

* * *

Выйдя из комнаты, Лоит оказался в знакомом, тускло

освещенном коридоре. Сердце Харма – исполинский город, воздвигнутый в незапамятные времена, являлся символом и оплотом власти харамминов. Его древние чертоги хранили множество тайн. Стены циклопического черного города, построенного рабами-инсектами, пережили не один миллион лет. Их, словно тело старого воина, покрывали шрамы и ожоги – свидетельства былых катаклизмов, бунтов, войн...

Здесь не было замков и запоров. Не существовало никаких, столь любимых людьми, систем подтверждения полномочий и кодов доступа. Сердце Харма занимало площадь огромного острова, – кроме него, на планете не было иных поселений, откуда могли бы прийти недоброжелатели, а из космоса за последний миллион лет не прилетал никто, кроме редких кораблей самих Бессмертных.

...Энергичной походкой молодого человека голубокожий гуманоид, не задерживаясь, прошел в центральный зал.

По дороге ему попалось несколько обслуживающих комплекс существ. На изящном мосту, перекинутом через стометровую пропасть, маячила фигура часового-инсекта, в проемах стреловидных окон промелькнули и исчезли две головы логрианина, посаженные на длинные тонкие шеи.

Лоит перешел мост, открыл скрипнувшую из-за скверного ухода дверь и оказался на пороге огромного зала, посреди которого в туманной дымке силового поля в медленном и бесконечном танце извивалось нечто, отдаленно похожее на непомерно-большой иероглиф, или, если быть точнее, – на

кристаллическую змею, тысячу раз свернувшуюся в кольца.

Вокруг змеящегося сгустка кристаллов, образуя исполинских размеров круг, тянулись неисчислимые сегменты камер биологической реконструкции.

Несколько тысяч отдельных ячеек, в которых зрели новые тела, молчаливой стеной окружали причудливо изгибающееся скопление кристаллов, хранящих копии сознания избранных существ.

Лоит остановился, не в силах пройти мимо – медленный танец кристаллической змеи, окруженной напряженным мерцанием силового кокона, завораживал, притягивал к себе взгляд...

Пальцы Лоита непроизвольно скрестились в древнем знаке, хотя он прекрасно знал: в Сердце Харма не присутствовало ни грамма мистики, никаких чудес или потусторонних сил. Все протекало строго в рамках технологий, некогда разработанных двухголовыми умниками, потомки которых до сих пор прилежно обслуживают комплекс, давно позабыв, что изначально он принадлежал их предкам...

Каждому – свое... – мысленно фыркнул Лоит, стряхнув наваждение. То, что Вселенной правит закон сильнейшего, не вызывало у голубокожего существа никаких сомнений.

Живи сам и дай жить другим – эта заповедь логриан в конце концов превратила мудрую расу двухголовых в послушных и жалких рабов, ибо принцип харамминов – *созри сам либо будешь сожран другим* – оставил от бывшего вели-

чия двухголовых мокрое место, даровав наиболее покладистым особям участь раба.

От этих мыслей Лоита отвлек тихий ноющий звук.

Он оглянулся.

Одна из ячеек открывалась прямо на его глазах.

Лоит подошел ближе. Его заинтересовал не сам процесс пробуждения, который он видел тысячи раз, а личность реинкарнированного.

Заглянув под колпак, он разочарованно вздохнул.

Реанимированное тело принадлежало Кваргу – наиболее влиятельному и тупоголовому представителю той части Квоты, которая от скуки, а может быть, в силу деградации вырождающегося со временем сознания, проповедовала и претворяла в жизнь так называемый «Путь Силы».

Лоит раздраженно подумал, что для первого обсуждения его открытий предпочтительнее было бы иметь в качестве оппонента кого-нибудь более умного и покладистого, но нет гарантии, что в Сердце Харма найдется сейчас кто-нибудь другой из членов Квоты...

Глядя на дрожащее нагое тело, опутанное проводами, жалкое и дряблое, Лоит подумал:

«Вот оболочка, безлика, имеющая лишь черты Кварга, но пройдет еще несколько минут, очнется разум, и эта самая оболочка вмиг наполнится смыслом – станет гордым, извращенным, жестоким и не очень мудрым существом.

– Впрочем, чего я хочу? – глядя на дрожащее тело, мыслен-

но упрекнул себя Лоит. — *После тысячного рождения жизнь начинает ходить по замкнутому кругу обыденности. Полная физическая безнаказанность, атрофия инстинкта самосохранения — это прямой путь для вырождения разума, но кому придет в голову менять порядок вещей? Да никому. Я и сам первым встану на защиту Вечности, наступив на горло любому ее противнику...*»

Он вытащил из складок одежды позаимствованный у людей электронный блокнот, набрал несколько слов, используя при этом весьма специфичные символы, и положил этот небольшой сувенир на край камеры биологической реконструкции, усмехнувшись при мысли о том, как будет озадачен Кварг, обнаружив его подарок.

* * *

Лоит не любил архитектуру инсектов, но Сердце Харма, куда ни глянь, носило неизгладимый отпечаток культуры насекомых — бездну лет тому назад его возводили именно они. Черный как ночь глянцебитый материал стен, который не был подвластен бегу времени, являлся не чем иным, как выделениями их желез.

Обслуживали древнее сооружение обычные смертные из числа харамминов, не входящих в Квоту. Под их началом находилось известное количество рабов — воинов-инсектов и техников-логриан.

Раньше жизнь, протекавшая в этих стенах, не имела для Лоита никакого значения, но сейчас, сидя в глубоком кресле, подле конструкции, которая лишь с большой натяжкой могла быть названа компьютерным терминалом, он в молчаливом раздумье наблюдал собственную смерть, запись которой воспроизводилась в глубине опалесцирующей полусферы, и впервые думал о том, что в этом мире на самом деле нет ничего вечного...

Наступает миг, когда приходит давно забытое чувство страха, осознание факта, что ты не бог, а всего лишь вор.

Вокруг него плавно вздымались обсидиановые контуры древних конструкций, черная поверхность которых была покрыта барельефными символами. На концах длинных черных игл дрожали трепетные огоньки голубой статики. В специальном углублении, рядом с проекционной полусферой, медленно вращалась сцепка из пятнадцати кристаллов, которая не трансформировалась, как в центральном зале, а, прихотливо изогнувшись, хранила неизменную форму.

Устав созерцать повторяющуюся на экране сцену, он встал и вышел сквозь узкий сводчатый проем на балкон.

Над Сердцем Харма разгоралась утренняя заря. Черные стены поднимались над пурпурным океаном, пенный прибой жадно облизывал скалистые берега, вверх поднимались белесые пласты стылого тумана, скрывая под собой основание острова.

За спиной Лоита раздались шаги.

– Приветствую тебя, Кварг, – он, не оборачиваясь, приложил узкую ладонь ко лбу.

– Во имя Хары... – просипел за его спиной знакомый голос. – Не скажу, что рад тебя видеть. Что за безделушку ты оставил у моей камеры?

– Я так и знал... – Верхняя губа Лоита чуть вздернулась, обнажая молодые, здоровые зубы. Он обернулся. – Тебя привело ко мне исключительно любопытство, так?

Кварг пожевал пустыми губами, что-то обдумывая, потом махнул рукой, присев на край ограждения.

– У меня скверное настроение, – честно предупредил он. – Инсекты совсем потеряли страх... – Кварг выругался на древнем языке харамминов. – На окраине Сетторена опять зашевелились их орды...

– Ты был разбит?

– Хуже. Я потерял в этом секторе два последних космических корабля.

Безволосая бровь Лоита удивленно приподнялась, собрав складками кожу над глазом.

– Тебя атаковали в пространстве? У инсектов вновь появились космические корабли?

– Да... – скрепя сердце, признал Кварг. – Думаю, им удалось привлечь на свою сторону кого-то из логриан. Я уже успел позабыть, как выглядят эти машины, думал, что не осталось ни одной, а тут целых пять, без единой выщерблины на броне. Новенькие. – Кварг поискал, куда бы сплюнуть,

но не нашел подходящего объекта для своей желчи.

Лоит был неприятно удивлен его словами, хотя подобных новостей стоило ожидать.

– А что тебя привело в Сердце Харма? – нарушил его мысли вопрос Кварга. – Тоже реинкарнация?

Лоит кивнул, продолжая обдумывать новые неприятные проблемы, которые обозначил Кварг. Что ж, в любой скверной ситуации есть и своя добрая сторона. Союз инсектов и логриан зрел давно, и если он наконец реализовался, то значит, действовать нужно решительно и быстро.

– Не помню, чтобы в твоём секторе шевелились насекомые, – пробурчал Кварг, издали разглядывая статичное изображение, застывшее в проекционной полусфере. – Что это за существо ты изучаешь?

– Я смотрю запись собственной смерти, – откровенно признался Лоит. – Хочешь взглянуть?

Глаза Кварга вспыхнули жадным огнем. Ему предлагали пилюлю, способную подсластить собственные проблемы. Необычная щедрость со стороны члена Квоты. Он подозрительно покосился на Лоита, с которым они никогда не были особенно дружны.

– Ты насмехаешься?

– Нет. Смотри. – Лоит быстрыми шагами вернулся в комнату и коснулся одного из иглообразных выступов.

Изображение внутри полусферы потеряло статичность.

Лоит несколько секунд смотрел на самого себя, а потом

отвернулся. На его синеватом лице застыла гримаса отворачивания.

* * *

– Во имя Хары!.. – потрясенно произнес Кварг, когда запись закончилась.

Лоит посмотрел на его лицо, заметил серые пятна на щеках и понял: демонстрация собственной смерти была исключительно удачным ходом, – даром, что удовольствие получать пулю в лоб показалось ему ниже среднего, – зато эффект от воспроизведения записи оказался потрясающим. Убедить в чем-либо члена Квоты, тем более такого, как Кварг, удавалось редко, но теперь, испугавшись наглядной демонстрации, он волей или неволей станет слушать его.

Общение в кругу Бессмертных являлось настоящим искусством. Многие уловки, способные ввести в заблуждение неискушенного оппонента, здесь не действовали.

Люди, рассматривая членов Квоты по меркам семантических понятий человечества, называли бы их существами, умудренными жизненным опытом до той степени, когда мудрость уже постепенно изжила себя, выродилась, трансформировавшись в цинизм.

– Кто это существо? – выдавил Кварг, справившись наконец с потрясением. – И из чего, во имя Хары, оно стреляло?

– Меня убили из импульсной винтовки, – спокойно отве-

тил Лоит.

– Мне ничего не говорит такой термин.

– Я понимаю. Позже я подарю тебе один образец. Замечательное оружие. Оно использует силу электромагнитов для разгона маленького титанового шарика. Представители этой расы зовут себя людьми, – продолжил пояснения Лоит. Он вернул кадр и постучал по изображению. – Вот это, – он указал на фигуру в камуфлированной броне, – их самка, женщина. А тот, кто маячит за ее спиной – мужчина.

– Они очень похожи на нас! – Кварг никак не мог справиться с потрясением.

– Да. Структура тела действительно походит на нашу, но это новая галактическая раса.

– Ты обнаружил новую цивилизацию и вступил в конфликт с ней?!

Лгать, отрицая очевидное, в данном случае не имело смысла.

– Да. Я обнаружил новую цивилизацию и долго изучал ее, оставаясь в тени. – Лоит обернулся, включил находившийся за спиной прибор и указал на точку среди появившейся в проекционной полусфере россыпи звезд. – Они начали свою экспансию отсюда, – продолжил Лоит. – Две тысячи лет им понадобилось, чтобы освоить огромный участок космоса и заселить двести семнадцать планет, отстоящих друг от друга на десятки, а иногда и сотни световых лет.

Он сделал паузу, позволяя своему собеседнику рассмот-

реть картину звездной бездны, в которой один за другим вспыхивали маркеры человеческих миров, а затем растянул губы в жутковатой усмешке:

– Они экспансивнее и сильнее нас, Кварг. Их техника по многим параметрам превзошла нашу. – Лоит говорил бесстрастным, ровным тоном, но за этим кажущимся равнодушием таились умело спрятанные чувства. – Их мораль пропагандирует равенство и любовь, но в тайниках их душ гнездится жажда крови. У них есть множество достоинств и столько же недостатков. – Он опять потянулся к иглообразному выросту, на конце которого плясала голубая искра статики. – Сейчас я покажу тебе собранные материалы, и ты сам сможешь судить, насколько сильна и опасна эта новая галактическая цивилизация.

* * *

После окончания демонстрации Кварг некоторое время продолжал сидеть, глядя в помутневшую полусферу, из которой уже исчезло изображение.

Лоит ничуть не возражал против его замешательства. Он лишь продолжил свою мысль, желая еще более усугубить проснувшиеся эмоции Кварга:

– Теперь подумай, что произойдет, когда экспансия этой расы докатится до границ Сетторена, где все еще сильны планеты инсектов? – Он криво усмехнулся высказанной мыс-

ли. — Если вожди насекомых узнают об этой молодой и энергичной расе, то, без сомнения, они постараются добиться союза с людьми и преуспеют, ибо смогут привести многие доказательства наших побед над ними, выдавая присущий нам трезвый расчет за жестокость и геноцид.

Лоит встал, подошел к стене и, совершив несколько заученных движений, легко сдвинул часть казавшейся монолитом облицовки. Достав из ниши тускло мерцающий сосуд, он вернулся к своему креслу.

— Опыт миллионолетней истории неопровержимо доказывает — в пространстве не могут сосуществовать две расы, равные по своему могуществу и экспансивности. Сильный рано или поздно сожрет слабого.

— В данном случае слабее мы! — нарушив молчание, произнес Кварг.

— Сила не всегда соизмеряется количеством мобилизованных особей и мощностью военной техники, — спокойно возразил Лоит, пододвигая к нему небольшую емкость, над которой курился легкий дымок. — Впервые столкнувшись с людьми, корабль которых совершил посадку на территории одной из моих планет, я сделал должные выводы и начал действовать.

— Своей глупой акцией ты обнаружил себя и поставил под удар всю Квоту! — резко возразил Кварг, к которому вместе с самообладанием вернулись столь неприятные Лоиту резкие замашки.

Лоит встал и вышел на балкон. Облокотившись о черные

перила, покрытые замысловатыми, образующими сложный узор потеками, он поманил Кварга, широким жестом указав на молчаливые, древние чертоги Сердца Харма.

– Нет смысла играть словами, Кварг, – обернувшись, произнес он. – Я действительно обнаружил новую цивилизацию, уничтожил один из ее потерянных анклавов и в результате проиграл, потерпев поражение... Да, я поставил под удар Квоту, но есть ли она? – Лоит пытливо посмотрел на Кварга. – Вспомни прошлое нашей цивилизации и взгляни на нынешнее положение вещей. Отдельные вотчины, разбросанные по планетам скопления, более не могут называться цивилизацией Хараммина. Мы проиграли схватку с Временем... Ресурсы наших миров истощены, технологии мертвы, а смертные сбились вокруг членов Квоты в тесные вырождающиеся анклавы. Инсекты, пользуясь нашей беспечностью, еще тысячи лет назад оккупировали множество планет. Теперь они также перенаселены, и только вопрос времени – когда вспыхнет новая война за жизненное пространство. Мы можем возрождаться вновь и вновь, но с каждым разом наши реинкарнированные сущности будут находить все меньше доступных благ и покорных слуг.

Он усмехнулся и продолжил, глядя в туманную даль:

– Цивилизация Хараммина умерла, остались только мы – остатки *Квоты*, да еще небольшое количество особей, что толкуются подле нас, согревая наши постели, добывая нам пищу и вконец разбазаривая последние крохи той техники, ко-

торая некогда составляла основу могущества Харма. В этих условиях появление новой и энергичной галактической расы, экспансия которой направлена в нашу сторону, означает лишь одно – скорую гибель установленного здесь порядка. Им не нужно завоевывать нас, – внезапно и жестко заключил Лоит, глядя на мертвые обсидиановые стены. – Они просто придут в это пространство, поднимут выпавшие из наших рук бразды правления, приведут сюда свой закон, свою экономику, свои межзвездные коммуникации, и все... Мы растворимся. Не будет Квоты Бессмертных – будет жалкая горсть изгоев, стариков, которым в определенный момент просто откажут в реинкарнации...

– Так где же выход? – насупленно спросил Кварг.

Лоит обернулся.

– Людей миллиарды, – внезапно произнес он, – и каждый чем-то похож на бессмертного, которому вдруг отказано в реинкарнации.

– Они безумны? – осведомился Кварг, делая последний глоток флюоресцирующей жидкости из своего бокала.

– Нет. Просто они стремятся за свою короткую жизнь объять необъятное. В этом их сила и, одновременно, их слабость... – ответил Лоит. – Они управляют пространством посредством общих, выработанных для всех законов, но находятся тысячи, миллионы алчущих, неудовлетворенных или просто ненасытных, кто легко переступает нормы морали и права. Это – слабая, наиболее уязвимая часть Человечества.

Я достаточно изучал людей и долго прожил среди них, чтобы понять это... Их экстремальный индивидуализм, помноженный на амбиции, делает подобных особей как опаснейшими противниками, так и покорнейшими рабами – смотря как преподнести себя, – пояснил он. – Если оставаться в тени и не показывать своей ксенобиологической сущности, то можно заставить многих преследовать твою цель, ибо они будут убеждены, что преследуют свою.

– Ты забыл об их машинах, – Кварг не удержался и все же сплюнул за перила. – Я был неприятно поражен продемонстрированными тобой образцами, – сознался он. – Их узкоспециализированные компьютеры намного превосходят наши кристаллофотонные модули.

– Эти приборы имеют один существенный недостаток, – усмехнувшись, ответил Лоит.

– Какой?

– Они с такой же легкостью могут управляться как своими создателями, так и их врагами. Их машины – это потенциальные предатели. Они служат тому, в чьих руках находятся. Я ничего не преувеличиваю. Цивилизация людей очень зависима. Компьютеры проникли в их быт, экономику, политику, вся система межзвездной связи и само межпланетное сообщение полностью подчинены глобальной сети Интерстар, базирующейся на станциях Гиперсферной Частоты. Одним ударом уничтожив их Сеть, мы полностью парализуем Человечество.

– Ты хочешь войны? Но у нас столько проблем в самом Сетторене...

– Мой план строится на комбинировании силового удара с хитростью, – перебил его Лоит. – Я собираюсь покончить с инсектами и людьми одновременно...

Он немного помолчал, а затем продолжил:

– В чем сила инсектов? В их общности. Они организованы в единое стадо, точнее муравейник, где в экстремальный момент понятие личности стирается, и тогда тысячи индивидуумов легко забывают свое эго, с покорностью идут умирать, ради выживания популяции в целом. Люди же совершенно не таковы, – они эгоисты от природы и в силу этого часто ставят свои личные интересы выше общественных...

– Такая раса слишком многолика, чтобы применить к ней штампы того же Сетторена, – заметил Кварг. – К тому же у нас нет ни большого количества кораблей, ни армии, преданно толпящейся у наших ног...

– Ты не прав. Да, эти существа многолики, к каждому из них приходится подбирать ключик, но, хвала пустоте, – ни один человек не избавлен от слабостей, нужен лишь труд понять – в чем эти слабости заключаются, и тогда противник начнет выступать на твоей стороне, образует ту самую силу, которой сейчас по причине своей старости лишено Сердце Харма. – Лоит обернулся. – Я не проиграл, Кварг. Я изучил людей, их биологию, технику, психологию. Я проник в их компьютерную сеть Интерстар, которая безлика, и, поль-

зуюсь их законами, организовал несколько фирм, в которых трудятся люди, даже не подозревающие, на кого и во имя какой цели они работают. Я обнаружил алчущих и сыграл на их стремлении жить в богатстве и роскоши. Они покорно отдали мне самые ужасающие образцы своей техники, за которые я расплатился их же валютой, которая для меня – пыль. Но главное – я знаю, куда и как нужно ударить, чтобы их цивилизация рухнула...

Кварг долго смотрел на него, а потом спросил:

– Чего ты хочешь от меня, Лоит?

– Помощи. Мне нужен ты и все, кто остался от Квоты. Все, без исключения.

– Зачем?

– Только мы сможем управлять человеческими машинами. Наша биология и строение тел схожи. Их приборы смогут воспринимать нас с той же чуткостью, что и людей.

Кварг покачал головой:

– Ты не сможешь собрать вместе членов Квоты, Лоит. Одни не станут тебя слушать, другим окажется все равно, третьи решат, что ты лжешь, даже не дав тебе продемонстрировать какие-либо доказательства...

Лоит прервал его жестом.

– Я смогу собрать Квоту, – убежденно произнес он. – Если ты поможешь мне в этом.

– Я помогу. Но ты не назвал средства, способного собрать вместе...

– Смерть, – коротко и емко обронил Лоит. – Только смерть неизбежно приводит любого члена Квоты сюда, в Сердце Харма... – Он обернулся, в упор посмотрев на ошеломленного Кварга, и внезапно добавил:

– Но прежде я хочу, чтобы ты безоговорочно поверил мне. Я знаю, как освободить наши миры от копошащегося сонмища насекомых. Назови мне планету в твоём секторе, где они наиболее сильны, и я отправлю их в ад прямо на твоих глазах!

Кварг выслушал его с недоверчивым и озабоченным видом.

– Скажи, Лоит, твоя реинкарнация...

– Я здоров. Мой разум так же стар, как твой. Называй планету.

– Друмган.

– Пусть будет так.

* * *

Влажная и теплая планета, которую Хараммины называли Друм, а оккупировавшие ее в незапамятные времена инсекты переименовали в Друмган, являлась одним из важнейших оплотов непокоренных общин насекомых в скоплении Сетторена.

Отсюда инсекты совершали свои дерзкие набеги на пограничные планеты Хараммина, но в последнее тысячелетие

эти акции неизменно шли на убыль – все меньше оставалось исправных космических кораблей, способных покидать границы своей системы и совершать короткие межзвездные перелеты. Техника инсектов, без должного контроля со стороны отрезанных от них логриан, которые, по исторически сложившейся традиции, являлись общепризнанными авторитетами в области технических знаний, постепенно ветшала, приходя в полную негодность.

На самом деле, несмотря на слова Лоита о крахе харамминов, все три цивилизации, обитающие в современном пространстве скопления Сетторен, находились в затянувшейся на миллионы лет агонии заката.

Миры насекомоподобных существ уже давно переполнились, но новых жизненных пространств для них попросту не было, а технологии древних инженеров-инсектов оказались безвозвратно утрачены их воинственными и сильно деградировавшими потомками.

Вялые военные действия, ограниченность которых регулировалась хронической нехваткой исправной техники, продолжались и до сих пор. Миры инсектов торчали гниющей костью в горле цивилизации Хараммина, и даже Бессмертные не были в состоянии эффективно бороться против насекомых, чья рождаемость на таких благоприятных мирах, как Друмган, с лихвой восполняла любые потери в живой силе.

Именно сюда, в этот влажный и неприятный для него мир, держал свой путь Лоит.

Старый, весь покрытый выщерблинами и ожогами космический корабль, созданный некогда гением исчезнувших поколений логриан, внешне походил на исполинскую трехпалую кисть руки.

Огненным болидом прочертив облачные небеса Друмгана, он среди всеобщего переполоха совершил посадку на один из немногих космодромов планеты, уцелевших с той далекой поры, когда тут обитали голубокожие гуманоиды.

Спустившись по ступеням трапа, Лоит осмотрелся. Он помнил этот мир.

Вдалеке в туманном мареве высились горы. Когда-то у их подножия существовал космопорт, от зданий которого сейчас остались лишь оплывшие холмики земли, и только равнина стартопосадочных полей устояла перед неумолимым бегом времени, – сильные ветра, веявшие тут в определенное время года, не давали наносной почве удержаться на гладкой, как стекло, поверхности.

Вероятно, эта остекленевшая проплешина осталась единственным напоминанием о том, что когда-то этот мир принадлежал предкам Бессмертных.

Лоит не стал предаваться ностальгическим воспоминаниям. Что толку думать о прошлом, когда твой личный замысел способен реально повернуть время вспять? Он усмехнулся, глядя, как по периметру проплешины выстраивается неприятно шевелящаяся масса воинов-инсектов – особей без личного разума – пушечного мяса, как выразились бы люди, со-

стоящего на службе у общественных интересов муравейника.

Таких миров, как Друмган, в пределах Сетторена насчитывалось около четырех десятков, и все они были до краев переполнены инсектами. Сейчас, когда наиболее опасные и разумные из насекомых, к числу которых относился и Глава Семьи данного мира, начали медленно налаживать мостики взаимного общения между своими Семьями и немногими свободными поселениями логриан, ситуация, по мнению Лоита, стала слишком взрывоопасной, чтобы по-прежнему презрительно почитать на лаврах.

Если насекомым удастся с помощью двухголовых умников создать новые производства для серийной постройки космических кораблей, то скоплению Сетторена угрожает новая война, страшная и кровопролитная, исход которой не взялся бы прогнозировать ни один аналитик.

Лоит собирался на корню пресечь эту попытку, одновременно показав Кваргу, что значит тонкий расчет, помноженный на знание психологии противника.

Инсекты, обеспокоенные столь наглой посадкой корабля Бессмертных в их мире, все же не решались предпринять немедленные действия. Они явно ждали приказа свыше, окружив место посадки плотным кольцом.

Наконец, спустя небольшой промежуток времени, стена насекомых в одном месте раздалась в стороны, пропуская на оголенную, остекленевшую проплешину нескольких инсек-

тов, которые шли в сопровождении вооруженной охраны.

Лоит повернулся в сторону прибывших и приложил руку ко лбу в миролюбивом и приветственном жесте.

Общение с насекомыми никогда не вызывало затруднений у представителей иных рас. Природный дар телепатии, развившийся у насекомых в процессе эволюции, делал их универсальными переводчиками, – нужно было всего лишь соблюдать некоторое хладнокровие, когда твои мысли раскрывались для одного из них. В таком общении крылась определенная опасность, но Лоит имел столь богатый опыт изоощреннейшей лжи и так усердно тренировал свой мозг, что не беспокоился по данному поводу: инсект мог услышать только те мысли, которые он пожелает продемонстрировать ему. Другое дело застывший за его спиной Кварг, который не часто утруждал себя изоощренными умственными упражнениями. Предвидя его несостоятельность, Лоит заранее расположил в одежде своего спутника блокирующие устройства, которые ставили глухой мысленный экран. Встроенный автопереводчик должен был озвучить для Кварга мысленный диалог Лоита с главой общины насекомых.

Выступив вперед, он опять поднял руку, как бы ограничивая этим жестом пространство перед собой. От группы насекомых также отделился один инсект, судя по пятнам на природном хитиновом панцире, это был Глава обитающей на Друмгане общины.

– Зачем Бессмертный вторгся в суверенное пространство

нашего мира? – бесстрастно промыслил он.

– Я прилетел говорить.

Инсект со скрежетом пошевелил жвалами. Его выпуклые фасетчатые глаза смотрели на мир тусклым, рассеянным взглядом, – в отсутствие зрачков было невозможно понять, куда направлено его внимание в данный момент.

– Что-то случилось со Вселенной? – не без оттенка иронии наконец промыслил он свой вопрос. – Я не помню говорящего Бессмертного. Есть только те, кто вторгается и убивает.

– Все в этом мире когда-то случается впервые, – философски ответил ему Лоит. – Я буду услышан?

Инсект опять задумался. Он не доверял хараммину и поступал правильно, но разгадать, какую игру затеял Лоит, было сейчас не в его силах.

– Ты будешь услышан, – наконец ответил он. – Я Хрграшт, Глава Семьи Друмгана. Выше меня только звезды.

– Прекрасно. Глава Семьи может однажды довериться Бессмертному?

Это был неожиданный вопрос.

Хрграшт опять погрузился в свои сомнения.

– Ты хочешь заманить меня в ловушку?

– Нет, – спокойно ответил ему Лоит. – Мне не нужна жизнь насекомого, на место которого тут же придет другая особь. Я хочу показать твоей расе новый путь. Ты можешь стать тем, кто откроет для инсектов давно забытое Жизнен-

ное Пространство.

Человек в такой ситуации наверняка бы подумал: *звучит слишком заманчиво, чтобы быть правдой*, но глава инсектов не являлся человеком, и у него имелись свои воззрения относительно возможности тех или иных событий.

– Я не знаю других жизненных пространств, кроме планет скопления Сетторен, – ответил он.

– Это не значит, что они не существуют.

– Да, – согласился с его логикой Хрграшт. – Но почему хараммины предлагают его нам? – тут же переспросил он.

Лоит развел руки в стороны.

– Историческая справедливость, – лаконично обронил он. – Твои скрижали заржавели, насекомое. Твоя раса забыла очень многое, и я прилетел на Друмган, чтобы вернуть это знание. Сетторен исторически принадлежит моей расе, вы же в прошлом обитали в иных пределах, но память об этом умерла, погребенная под прахом тысячелетних войн.

– А ты знаешь правду, Бессмертный?

– Да, насекомое. Я узнал правду и готов предложить ее тебе. Ты согласен рассмотреть истину?

На этот раз ответ инсекта не заставил себя ждать.

– Да, – без колебаний промыслил он.

– Отлично. В таком случае нам следует посетить древнее святилище твоей расы, то, которое расположено в скале, рядом с исчезнувшим под прахом времен космическим портом.

– Зачем? – насторожился инсект.

– Оно является не тем, чем привыкли считать его существа твоей расы. У каждого капища рано или поздно открывается его истинный, практический смысл. Это не святилище, как думаешь ты, не память, не место поклонения – это реальное устройство, о назначении которого вы попросту забыли.

– Ты должен подождать.

Лоит кивнул.

Инсект отошел к своей свите. Несколько минут оттуда доносился тихий скрежет и переливчатый свист, – так звучала верхняя фонетическая настройка мысленного языка инсектов.

Наконец, после обмена мнениями, все три инсекта подошли к Лоиту.

– Мы готовы слушать тебя дальше, Бессмертный.

– Разумное решение. Вели своим слугам, пусть доставят к святилищу автономные источники энергии. Их мощность должна составить не меньше пяти мегаватт. Это выполнимо?

– Да.

– Отлично. Мы будем готовы начать, как только привезут накопители.

* * *

Святилище инсектов действительно располагалось в нед-

рах скалы. Это была естественная пещера, свод которой в незапамятные времена кто-то обработал энергетическим инструментом – сгладил неровности, срезал сталактиты и придал поверхности камня глубокий, матовый блеск.

Посреди округлого пространства пещеры имелось возвышение, окруженное черными, как ночь, блоками из неподверженного коррозии сплава, которые составляли определенную геометрическую конструкцию.

Взглянув на нее, любой человек, знакомый с техникой перемещения в гиперпространстве, наверняка узнал бы примитивный, грубо исполненный, но тем не менее вполне функциональный контур генератора низкочастотного поля.

Лоит прекрасно осознавал это, инсекты же продолжали смотреть на украшенные цветным тряпьем блоки, как на жертвенник, алтарь и, наверное, воспринимали действия Бессмертного как кощунство, однако, когда он собственно-ручно стал подключать привезенные источники энергии к торцам геометрически выверенного контура, они не возразили, наблюдая, как он посредством коротких кабелей соединяет накопители с тусклыми клеммами, которые имелись на торцах нетленного сооружения.

Через некоторое время приготовления были окончены, и Лоит отошел в сторону.

Наступал критический момент всего эксперимента. Внешний осмотр не выявил никаких нарушений конструкции генератора, но все же риск присутствовал, и немалый.

Древнее устройство могло повести себя самым непредсказуемым образом, и потому он жестом предложил всем отойти на безопасное расстояние к стенам древней пещеры.

Во имя Харма... – не сумев обуздать волнение, мысленно произнес Лоит и сделал знак застывшим у источников энергии инсектам – включайте.

Несколько секунд после подачи напряжения на торцы древней конструкции с ней не происходило ровным счетом никаких перемен – казалось, что черный материал плотно подогнанных друг к другу блоков попросту глотает энергию, заставляя ее исчезать без следа... но вдруг по одному из блоков пробежала волна синеватых статических искр, за ней подобным же образом осветились иные части конструкции, затлели, истекая вонючим дымом, а затем ярко вспыхнули жертвенные лоскутки материи...

По пещере прокатился легкий, едва слышный вздох.

Что-то невообразимо древнее, непостижимое, возрождалось под искусственно сглаженными сводами, и это напряженное таинство заставило застыть в немом изумлении даже чванливого, скептически настроенного Кварга.

В гробовой тишине жертвенные лоскутки материи догорели, осыпавшись серым пеплом, в центре конструкции на ровном участке обсидианового пола внезапно обозначилось светлое пятно диаметром в несколько метров, окруженное по краям напряженной аурой электромагнитного поля, в котором, казалось, сгущался сам воздух.

Вокруг остро пахло озоном и воняло сгоревшими тряпками. Два этих запаха причудливо смешивались, тревожа обоняние.

– Ну... – произнес Лоит, обернувшись к Главе Семьи. – Теперь ты видишь, что я не лгу?

– Да... – пришла в ответ потрясенная мысль. – Куда ведет этот путь?

– В тот мир, откуда вы вторглись в границы скопления Сетторен много миллионов лет назад. Пойдем, я докажу тебе, что он существует.

Лоит сделал шаг по направлению к напряженной ауре, и инсект покорно последовал за ним. Гордый, умный и осторожный воин был сейчас слишком потрясен, чтобы сомневаться или противиться.

* * *

Сфера Дайсона. То же время...

Два человека медленно шли по старой дороге.

Вокруг царили ранние красноватые сумерки. Мир, распростершийся вокруг, пугал своей необычностью.

Красное светило висело в зените. Звезда никогда не меняла своего положения на небосводе. Она была неподвижна.

Наступление ночи предвещал иной признак: на заболоченный участок равнины, по которому тянулась упомянутая дорога, напозла тень гигантской орбитальной плиты.

Все, буквально все, тут казалось чуждым человеческому глазу – и красноватый вездесущий свет, и безоблачное небо с неподвижным, горячечным шариком звезды в зените, и загибающийся кверху, наподобие стен циклопической чаши, горизонт, и тени орбитальных плит, скользящие по останкам древних сооружений.

Этот мир никогда не предназначался для человека.

Сферу Дайсона построила три миллиона лет назад раса насекомых, ныне деградировавшая и фактически вымершая.

Три миллиона лет пронесли разрушительным дуновением эрозии, повергнув древние системы Сферы в состояние полнейшего упадка и забвения. По сути, от того, что некогда являлось тщательно продуманным искусственным миром, осталась лишь оболочка, скорлупа, на внутренней поверхности которой под скупыми лучами старого солнца продолжали существовать очаги жизни, как древней, исконной, так и пришедшей.

Люди попали в Сферу Дайсона примерно тысячу лет назад. Их привело сюда бегство от ужасов Первой галактической войны. Исторически зона колониальных интересов Человечества простиралась в иную сторону, и Сферу Дайсона горстке беглецов удалось обнаружить случайно.

У многих более поздних исследователей возникал по это-

му поводу недоуменный вопрос: почему Сферу не обнаружили раньше, ведь она расположена в том же участке спирального рукава Галактики, где и Земля – прародина Человечества.

Ответ достаточно прост: исполинское сооружение насекомых на самом деле напоминает по своей форме не идеальный шар, а приплюснутую на полюсах вытянутую, наподобие мяча для регби, конструкцию с закругленными торцами, и оболочка сферы полностью перехватывает свет заключенной внутри нее звезды. Именно поэтому определить, что в данном объеме пространства расположено нечто огромное, искусственное, не представлялось возможным. Сфера, не пропускающая наружу ни одной формы световых волн, оставалась невидимой для самых мощных оптических телескопов, а что до ее теплового и радиоизлучения – так мало ли в Галактике подобных объектов? Нет, людей, вырвавшихся в дальний космос на изломе двадцать четвертого и двадцать пятого веков, интересовали прежде всего звезды и обращающиеся вокруг них планеты. В то время мало кто обращал внимание на пустой и бесперспективный в плане колонизации участок космоса, который много веков спустя, после старта из Солнечной системы первого колониального транспорта, получил звучное название: Рукав Пустоты.

Сфера Дайсона располагалась в самом дальнем от Земли участке этой аномальной области пространства. Миллионы лет она старела, разрушалась, пока сюда не пришли люди.

Первое, случайно возникшее человеческое поселение в Сфере, оказалось на долгое время изолированным от остальной части цивилизации. По-настоящему открыли древнее сооружение около ста лет назад, когда на одной из лун планеты Эригон, в толще ледового панциря, был случайно обнаружен и реанимирован искусственный фотонный мозг, некогда созданный инсектами для управления Сферой Дайсона.

Тогда реанимация Интеллекта едва не привела к его столкновению с Человечеством...

...Два человека, которые неторопливо шли по древней дороге, беседовали между собой именно на эту тему.

Один из них был высок и худ. Строгий покрой его одежды, гармонично сочетающийся с благообразной, но какой-то вылощенной внешностью, говорил в пользу высокого социального статуса пожилого человека. Выражение его лица было крайне озабоченным, но говорил он спокойно, уверенно, негромким голосом, что выдавало в нем человека терпеливого, но имевшего возможность влиять на определенные события самым непосредственным образом.

Его собеседник, наоборот, производил впечатление человека резкого, как в суждениях, так и в действиях. Короткие, вызывающе осветленные волосы на его голове мелко курчавились, образуя как бы шапочку, натянутую на бронзовый от космического загара череп. Черты его лица несли печать усталости и раздражения.

Оба приехали на эту встречу, назначенную посреди бес-

крайних болот, без какого-либо сопровождения. Две машины, такие же разные, как и их хозяева, стояли в сотне метров позади на растрескавшихся плитах старой дороги.

...Орбитальная плита уже подползла к красному солнцу, и ее край коснулся горячего диска звезды, начиная медленно заслонять его. Приближалась ночь, розовые сумерки начали сгущаться, быстро переходя в багрянец пятичасовой ночи, но этот факт, похоже не беспокоил собеседников.

— ...вольны селиться там, где хотим! Запомните это, господин Андрегер, и передайте своей драгоценной машине! — упрямо мотнув головой, произнес блондин. Его расстегнутый плащ местами был заляпан подсыхающей дорожной грязью. Зародившийся над болотистой равниной вечерний ветерок лениво раздувал его полы.

Тот, кого называли Андрегером, недоуменно пожал плечами.

— А что вам мешает просто присоединиться к колонии? — задал он свой вопрос.

— Человеческая гордость!.. — не произнес, а, казалось, вытолкнул сквозь зубы человек в плаще.

— То есть, Дункан, поясните... Я не совсем понимаю, в чем именно ущемляется ваша гордость? Разве я предлагаю вашим людям что-то скверное? Мне кажется, наоборот, я стремлюсь улучшить их существование, ведь на освоенной территории работает климатический контроль, действует система здравоохранения, есть все цивилизованные условия

для жизни...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.